

Баян Ширянов
Низший пилотаж
Серия «Пилотаж», книга 1

Авторский текст
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=137967

Аннотация

«Низший пилотаж» – «Голый завтрак» по-русски. О жизни «винтовых» наркоманов. С медицинским послесловием.

Содержание

ПОДЕРЖИ ЗЕРКАЛО.	4
МАРАФОН.	9
ДЕНЬ ПЕРВЫЙ.	9
ВТОРОЙ ДЕНЬ.	11
ДЕНЬ ТРЕТИЙ.	12
ДЕНЬ ЧЕТВЕРТЫЙ.	13
ДЕНЬ ПЯТЫЙ.	14
ДЕНЬ ШЕСТОЙ.	15
ДЕНЬ СЕДЬМОЙ.	16
ДЕНЬ ВОСЬМОЙ.	17
ДЕНЬ ДЕВЯТЫЙ.	18
ДЕНЬ ДЕСЯТЫЙ.	19
ДЕНЬ ОДИННАДЦАТЫЙ.	20
ДЕНЬ ЧЕТЫРНАДЦАТЫЙ.	21
ДЕНЬ ДВАДЦАТЫЙ.	22
НОЧЬ, УЛИЦА, ФОНАРЬ...	23
ЗАМОРОЧКА – 6.	24
ЗАМОРОЧКА – 3.	27
ГЛЮКИЕ ВРАЧИ.	30
ЛАБОРАНТЫ.	31
ПРЫЩИ.	33
ПЕРВЫЙ КВАДРАТ.	34
ЭКЗАМЕН.	41
ПЕРЕДОЗ.	46
ВЫЕЗДНОЙ ДЖЕФ-СЕЙШЕН.	49
ЗАМОРОЧКА – 7.	52
КРАСНЫЙ ДЖЕФ.	55
БАЯН С МЕТЛОЙ.	57
Конец ознакомительного фрагмента.	60

Баян Ширянов

Низший пилотаж

Роман в новеллах о наркоманах, для них самих и всех прочих желающих.

ПОДЕРЖИ ЗЕРКАЛО.

Никаких хохмочек! Никаких выебонов! Правда. Голая блядь правда! Сам видел! И поэтому право имею ее резать! На глушняк...

Да, я ширяюсь, шмыгаюсь, втираюсь, мажусь. Да, и зовут меня поэтому Шантор Червиц. А, может, и не поэтому, а из-за других причин, но причины эти по хую.

Может и узнаешь когда, а пока въезжай в расклад и расстановку сил.

Я объявил войну винту. Как и многие. Мы воюем с ним так же, как алкоголики со своей вонючей водярой, путем уничтожения посредством собственного организма. Ничего нового в этом нет, поэтому мы решили легализовать наркотики. Но об этом позже.

Итого, мы имеем пятнадцать кубов на пять рыл. Я поставил кубы первыми, ибо они важнее всего. Без них ничего не случается, потому что случиться не может принципиально. Второе это флет. Флет у нас однохатный, с сортиром, ванной, прихожей и винтоварней, которая на других флетах обзывается кухней. Но кухня – это не винтоварня. На кухне варят хавчик, чтоб его потом жрать, поддерживая силы. В винтоварне, наоборот, варят, как многие уже догадались из названия, винт, который жратвой не является, а действует ровно наоборот. Ты грызешь свой кусок булки с ковбасой, чтоб наполнить себя силой, которая складывается в жировые отложения, по которым можно производить раскопки твоей истории. Ты хаваешь винта, чтобы извлечь из себя свою силу. Понятно?

Ладно. Винта надо хавать. Сие – аксиома и обсуждению не подлежит. Чтобы его хавать, нужны те, кто его хавают. Их пятеро. Я. Чо, нескромно, ставить себя первым? А по хую!.. Второй – Семарь-Здрахарь. Яростный торчок. Третьим у нас будет Навотно Стоечко. Распиздай, похуист и поебеньщик. Четвертым – Роза Майонеззз, родная шировая сеструха Зои Чумовоззз. До сих пор неизвестно, кто из них кого посадил. Пятая, последняя, безымянная герла. Она приبلудилась к нам во время поисков салюта и села на хвоста так прочно, что пообещала выебать всех мужиков, что не понравилось Розе Майонеззз, но ее послали на хуй, вместе с ейной пиздожадностью.

Да, чуть не забыл, хозяином флета числится Навотно Стоечко.

На флету имеется разьебанный во всех смыслах и позициях диван без ножек, пара матрацев с бычковыми дырками, ковер, на который все стравливают контроль, стол комнатный и стол кухонный, разные, несколько не то стульев, не то табуреток, мигрирующих в широких пределах, колдун, в просторечье холодильник, газовая плита. Все прочее не имеет значения и смысла перечислять.

Да, еще есть винт! Но об этом я уже сказал в самом начале.

Итак, винт. Его надо ширнуть. И, желательно, в вену. А если не в вену, то под шкурой будет такой фуфляк!..

Короче, вмазаться хотят все. Но первым должен убоготвориться Навотно Стоечко, как варщик, это основная причина, и как хозяин, на эту причину всем насрать, поэтому она причиной здесь являться не будет.

Без пизды можно сказать, что наводностоечковский организм проширян насквозь. На моей памяти он двигался в руки, ноги, пальцы и хуй. Если он когда-нибудь кинется, то, в натуре, в его винте крови не обнаружат, как не найдут и самих веняков.

Для активных боевых действий супротив винта без веняков не обойтись, а эти суки норовят или скипнуть, или затромбиться, или вообще, на хуй, исчезнуть. Не въезжают они в необходимость своего присутствия.

Наводно Стоечко заряжает баян положняковыми двумя квадратами. Вся тусовка кучкуется вокруг них.

– Ой, бля-я-я... – Шипит Наводно Стоечко и угрожающе размахивает машиной. – Уйдите на хуй, свет застите!..

– Помочь? – Интересуется Семарь-Здрахарь. Он единственный кто остается рядом, остальные растусовались по углам и старательно косят, что наводностоечковская казнь их не ебет.

– В пизду! – Верещит ширяющийся, – Надо будет – сам позову.

Семарь-Здрахарь под визги хатовладельца съебывает на винтоварню, а Наводно Стоечко стягивает с себя рубаху.

Телеса Наводно Стоечко достойны кисти Пабло Дали и Сальвадора Пикассо. Или наоборот? Но до пизды, значит так, хэнды. Правая. Она пятнистая, сине-желто-зеленого окраса от подшкурного контроля. Тонкие белые полоски на местах старых дорог, у локтя красная блямба заросшего колодца. Вся эта красота в коричневую крапинку от недавних широк.левой хэнды повезло меньше. На ней несколько вулканчиков, следы какой-то недоебаной инфекции. От вулканчиков вся хэнда ярко красная и бугристая. Торс Наводно Стоечко не так красив, на нем всего несколько синяков, ребер и волосков.

– Блядский Бог... – Бормочет Наводно Стоечко, ощупывая правой хэндой левую. Зрители не дышат.

– Ебанный Христос...

Левая рука так распухла, что веняков нет и не будет в ближайшие несколько месяцев. Наводно Стоечко начинает исследование правой хэнды. Он пыхтит, скрежещет оставшимися зубами, пускает горькие слюни... И, ебеньть! чего-то находит!.. Его палец находится около кисти, он осторожно надавливает на кожу и под ней что-то трепыхается.

Не отпуская найденное место, Наводно Стоечко берет баян, снаряженный самой тонкой стрункой. Дыхание Наводно Стоечко становится тяжелым, он всаживает струну и в баян тут же идет контроль.

– Бля! Поймал!.. – Яростно шепчет он на всю комнату и давит на поршень...

– БЛЯ!!! – Орет Наводно Стоечко в следующую секунду, и вырывает иглу.

– Как больно-а-а!!! – Вопит он во всю глотку, размахивая машиной. На месте вмазки растет кровавая капля. Наводно Стоечко слизывает ее и прижимает дырку пальцем.

– Уй, бля-я-я... Пропорол... Блядский Бог, где Ты? Нету Тебя, бля!.. Ну почему я не могу по-человечески ширнуться? Помоги мне, Господи! У, бля!..

На крики прибегает Семарь-Здрахарь с баяном, тоже полным контроля. Увидев его, Наводно Стоечко белеет от ярости:

– Вперед меня?!..

– Да ты сколько будешь казниться... – Оправдывается Семарь-Здрахарь, но раскаяния в его голосе не присутствует.

– Ну и хуй с тобой, паскуда! – Отворачивается Наводно Стоечко и начинает поиски по новой. Теперь он обследует ноги.

Самое приятное – это наблюдать за попытками ширнуться того, кому ширнуться некуда, того, кому есть куда ширнуться. Мне, например. Но это скоро надоедает.

Какого хуя я должен ждать три часа, чтобы вмазаться, пока не втюхается какой-то ублюдок?

На кухне Семарь-Здрахарь уже моет свой баян.

– А, сам Шантор Червиц, ширнуться зашел, или так?

– Ширнуться, – Соглашаюсь я, – Где пузырь?

Пока я выбираю себе и щелочу, происходят два события: очередной богохульный вопль Навотно Стоечко и появление приبلудной герлы. Она становится у стены и сползает вниз. Ее короткая юбка задирается, и нашему обозрению предстают дырявые, но достаточно чистые трусы, которые и на половину не скрывают жутко волосатую пизду их хозяйки.

– Я – преступная мать... – Горестно говорит безымянная герла, и добавляет, – Ширните меня...

Пока с ней возится Семарь-Здрахарь, я успеваю сделать себе три дырки, но вмазываюсь-таки самосадам в оборотку. Знай наших!

Несколько минут, пока я прихожусь, мне все до пизды-дверцы. Приход слабоват. Чего еще ожидать от такого варщика, как Навотно Стоечко? Когда я открываю глаза, то застаю как Семарь-Здрахарь вводит последние децилы в руку герлицы. Она на мгновение замирает, а затем ее впалая грудь издает сдавленный возглас восторга.

– Как? – Любопытствует Семарь-Здрахарь.

– Хорошо. – Понуро выдавливает из себя девица и начинает плакать.

Мы с Семарем-Здрахарем переглядываемся, плакать на приходе? Это что-то странное.

– Точно хорошо? – Спрашиваю уже я. Но герла как будто ничего не слышит, она мотает головой, разбрызгивая слезы, и тихонечко стонет.

– Блядский Бог! Что ж я маленьким не сдох?! – Доносится из комнаты.

– Я – преступная дочь... – Говорит вдруг герла и внезапно стягивает с себя юбку вместе с трусами. – Ебите меня... Я – преступница...

Заморочка, понимаем мы с Семарем-Здрахарем. Заморочка – штука тонкая. Как сучий Восток. Замороженный торчок может часами смотреть в одну точку, дронить, гнать телеги, искать мустангов или заныканный пару лет назад куб винта. Но если эти заморочки по кайфу тебе, других они могут напрягать... А могут и не напрягать... Смотря, на чем ты заморочился.

– Ну, ебите меня... – Жалобно просит безымянная герла. – Я – преступница, меня надо ебать!.. Или хотите, я у вас отсосу?.. Я никогда не сосала... Но, если надо... Я преступница, я буду стараться!..

Она шмыгает носом, а мы отрицательно качаем головами.

– Попозже... – Улыбается Семарь-Здрахарь.

– Вы мной брезгуете? Да? – Выщипанные брови поднимаются домиком, а нижняя губа отвисает. – Да, вы брезгуете! Я ведь преступница! Преступница!

Я сама собой брезгую! Вы не понимаете! Вы – нормальные люди, а я – наркоманка и преступница!

Дайте двадцатку!

Порывшись в пакетике со шприцами, я нашел двадцатикубовый и кинул его безымянной герле. Она схватила его на лету, облизала и, став раскорякой, начала засовывать его себе в пизду, повторяя:

– Я преступница... Вы не будете меня ебать, вы брезгуете!..

Несколько минут мы с Семарем-Здрахарем наблюдали как она дронит баяном. А потом я не выдержал и сделал ошибку, я спросил:

– А с чего ты это взяла, что ты преступница?

Безымянная герла вострепелась. Она посмотрела на меня так, словно я ее уже выебал. Потом, встав на четвереньки, не вынимая баян из пизды, она резво заковыляла ко мне и обняла за колени.

– Я – преступная дочь. – Сказала безымянная герла, смотря на меня снизу вверх. – Моя мама знает, что я наркоманка. Она страдает...

Я – преступная жена. Два месяца назад я ушла от своего мужа. Три дня назад я к нему вернулась. А вчера я от него опять ушла.

Я – преступная мать! Я бросила свою дочку, и теперь она у мамы. Я ее люблю...

Я – преступная дочь, – Начала безымянная герла по второму кругу, – Я бросила свою трехлетнюю дочку на шею мамы, я о ней забыла, она так меня любит, а я сижу тут, а вы мною брезгуете. Ну, пожалуйста, поебите меня, я – преступница!

Тебя как зовут?

– Шантор Червиц...

– Давай я у тебя отсосую? – Умоляюще хлюпает безымянная герла, – Я преступница, я должна...

– Прямо здесь? – Удивляюсь я, смотрю по сторонам и натыкаюсь на ухмылку Семарь-Здрахаря. Он кивает и подмигивает.

– Мне по хую! – Говорит безымянная герла и еще сильнее обхватывает мои колени, – Пусть все смотрят, пусть все знают, что я преступная мать!

– БЛЯ!!! Ну, был же контроль!!! Что ты делаешь, сука?!! Блядский Христос, нет Тебя, Господи! Ебал я тебя! Ну, помоги же Ты мне, ебанный Твой рот! – Верещит в комнате Навотно Стоечко и с его последними словами на кухню входит Зоя Майонеззз, чтобы увидеть, как безымянная герла заглатывает мой нестоящий хуй.

Зоя Майонеззз замирает на полушаге, а безымянная герла, не выпуская изо рта мой хуй, начинает свою телегу:

– Я – пврештвупфная мфать! Я – пврештвупфная дофь! Я – пврештвупфная фена!..

Подозрительно глядя на торчащий из пизды безымянной герлы шприц, Зоя Майонеззз делает Семарю-Здрахарю условный жест. Она оттопыривает большой палец и трет им руку, мол, смажь меня. Семарь-Здрахарь наполняет баян, и они уходят в ванную, винт, Семарь-Здрахарь и Зоя Майонеззз.

– Я – пврештвупфная мфать!

– Бля, ну помогите же кто-нибудь, бляди! – Кричит Навотно Стоечко из комнаты. – Семарь! Шантор! Кто-нибудь, бля!

Мне удастся высвободить хуй из губ безымянной герлы, с него капает ее слюна и я решаю штаны пока не надевать. В раскорячку я захожу к Навотно Стоечко, и вижу, что он абсолютно голый сидит на матрасе, а к стене прислонено большое круглое зеркало, отражающее жопу Навотно Стоечко.

– Я и в ноги, и в живот, и в хуй... – Жалобно стонет Навотно Стоечко. В его руке уже десятикубовый агрегат с метровой бабочкой, полный наводностоечковой крови. – Поможешь?

– Как?

– Подержи зеркало.

– Зачем?

– В спину смажусь. Ну, давай, бля! Скорей!

Пока я устанавливаю зеркало как надо Навотно Стоечко, он молчит, но как только игла бабочки приближается к коже, начинается старое ворчание:

– Бля... Ну, на хуя столько контроля? Блядский Бог... Нет Тебя, падлы! Поможешь ли Ты мне, ебанный Христос!?

Там, куда ширяется Навотно Стоечко я не вижу ни хуя. Как он разглядел веняк у себя на спине, непонятно. Но вдруг в шланг бабочки начинает идти контроль! Навотно Стоечко замирает, не доверяя своей удаче. Кровь медленно ползет. Она доходит до баяна, выгоняя воздух из прозрачной трубочки, и смешивается со старым контролем.

Навотно Стоечко мягко жмет на поршень.

О, ширка! Непостижимая, как круглый квадрат. Вот она, жидкость, в баяне. А вот она исчезает. Вот она была снаружи. А вот она внутри! И приход!..

– Бля... – Стонет Навотно Стоечко, – Нету ни хуя!..

Его кровь скрылась там, откуда пришла, но торчок не вынимает струны из тела:

– Нету прихода!..

Шантор, добери мне двушку!

– Пока я щелочу, выбираю, отбрыкиваясь от безымянной герлы, проходит минуты две.

Вернувшись, я застаю Навотно Стоечко в абсолютно той же позе:

– Давай, давай! – Кричит он.

Поменяв баян на бабочке на полный, он начинает гнать. Сперва осторожно, по децилам, а потом, чуя наступающий приход, и в полную струю. Граница воздуха и винта резво бежит по трубке, приближаясь к коже, но Навотно Стоечко выдергивает иглу на последних каплях.

– Ух! Ух! Ух! У-у-у-у... – Звуки замирают, и слышится только натужное дыхание.

Пока я наблюдал за ширянием, безымянная герла опять присосалась к моему хую.

– Да отъебись, ты! – Делаю я страшные глаза и бью ее коленом. Герла валится на пол и начинает рыдать:

– Вы все мной брезгуете!..

– Я вот чего придумал... – Говорит вдруг Навотно Стоечко. После вмазки у него совершенно поменялся голос. – Какого хуя нас, торчков, все стремят? Если так разобраться, торчки-то абсолютно все! Чай пьешь – наркоман. Куришь – тоже наркоман! У нас весь мир – одни наркоманы! А я стану президентом! И введу принудительную наркотизацию населения.

Чувак чапает, а к нему полис:

– Чем сегодня ширялись? А ну-ка покажите дырки!

А нет дырок – в ментовку, на анализ крови. Есть наркотики – отпускают. А нет – выбирай! Вот марфуша, вот герасим, вот фен, вот винт, вот кока. Ширяйся, братец.

Вот тебе баян одноразовый. А не умеешь ширяться – на первый раз тебя мент вмажет, а потом – изволь на курсы. Или колеса глотай, но так, чтобы мы видели! Там тебя научат и ширяться, и разбираться в наркотиках...

А в драгах!.. Хочешь чистяка? Пожалуйста! Хочешь сам сварить? Вот тебе комплект из соломы с ангидридом, эфедрин с компонентами, что душа пожелает!

А лениво в драгу на ломках, скорую помощь можно вызвать. Они тебя и втрескают, и веняки подлечат. Она так и будет называться – «скорая наркотическая помощь».

Зарплату будут наркотиками выдавать. Из расчета: сколько надо – столько получишь! А для безработных – общественные «Широчные». Заходишь, ширяешься, там комнаты для прихода. Только больше десяти минут зависать нельзя. Очередь.

И никакого страма! Все вмазанные, тащатся, кайфуют.

А глюки захотел, тоже, пожалуйста. «Глюкаличные» откроют.

А я – президент... И тоже весь день под кайфом...

Эй, ты, герла. Иди сюда. Отсоси-ка...

МАРАФОН.

ДЕНЬ ПЕРВЫЙ.

Утро.

Я решил завести себе байбл. В него я буду писать все мои приключения. Хотя, приключений у меня а самом деле маловато, но будет, наверное, приятно перечитать все это когда-нибудь.

Итак, у меня было двое суток ремиссии. Старые дырки поджили, но некоторые воспалились. Надо завязывать шмыгаться чужими струнами и давать их кому попало.

Я так думаю, воспаляются они не из-за грязи, а оттого, что у меня вторая группа крови. А если у других торчков третья или четвертая – происходит какая-то реакция. Несовместимость, что ли? Не знаю, как это по науке называется.

Вчера я вырубил последнее, что мне не доставало. На помойке полукаличной нашлось несколько терок. Не знаю, почему мудила Казбек-Талыб Оглы (врач к тому же, как написано на личняке) их выкинул, но слава ему за это! И не лень ему было ставить на них все колоду, а потом вышвыривать в помойку. Но именно на таких щедрых личностях и держится советская наркомания.

Сейчас нарисую на каждой по две банки салюта и пойду вырубить.

Вечер.

Пишу уже ширнутый. А хули? Компоненты есть. Тяги – хоть залейся. Да еще и четыре банки прилипло. Вот я и замутил.

Клочкед и Блим Кололей моим винтом остались довольны. Они уже съебались, падали вонючие, и увели с собой какую-то бабу. Баба хотела остаться, но они ее увели, я им это припомню.

Мыслей в голове – целый вагон. Они копошатся и разлетаются при моем приближении, но многие удается схватить за хвост.

Например: надо изобрести бактерию, которая из сахара, или какой другой поебени, делает винт. И запустить ее на хлебозавод. Она там все булки наспикует винтом и все будут эти булки хавать и торчать напропалую.

Или: вместо эфедрина в салют добавлять первитин. Сколько бы мороки было меньше! И астматикам приятно. Приступ, там, они десяток капель примут – и прутся.

А вот еще: объявить конкурс «Лучший винт 88». Пусть каждый сварит по полста кубов. А жюри, во главе со мной, винт этот будет ширять и оценивать по столбальной шкале. У этого приход долгий, а у этого, как подушкой по башке. У этого таска клевая и долгая, а этот прет, и все без толку. И так по всем городам, где есть винтовые. А потом устроить показательные соревнования. Номинации такие: отбивание (на скорость), варка (на качество) и самосад (тоже на скорость) и ширяние безмазового торчка (чтоб могли веняк найти где угодно). А победителю – бесплатная ширка в течение года.

Или вот: сделать кооператив. А в подвале гнать винт и запаивать в стекло. А на ампулах писать «дистиллированная вода», чтоб менты не доебались. И продавать дешевле, чем у барыг. Тогда все торчки – наши.

В общем, хуй с этими телегами, бабу хочется, аж жуть.

Интересно, почему когда втюхаешься, хуй сжимается до размеров наперстка, а ебаться хочется, как будто он стоит?

Надоело писать, пойду подрочу.

ВТОРОЙ ДЕНЬ.

Утро.

Дрочил всю ночь. Кончил раза четыре. Устал, как сволочь. Вся постель пропиталась потом, хоть выжимай.

Жрать не хотелось, ширнул остатки вчерашнего, впихнул в себя бутерброд. Вроде получше и голова прояснилась.

Надо идти добывать салют.

Вечер.

Только пришел. Жрать и спать не хочется. Сварил у Навотно Стоечко из двух своих фуфырей на его компонентах. Заныкал еще два и отщелочил стандаля.

У Навотно Стоечко постоянные стремаки, варить невозможно. Он бегаёт по квартире и ищет ментов в унитазе. Совсем съехал. Тусовка тоже стремная. Все наблатыканные, пальцы веером. Крутых из себя корчат. Им Навотно Стоечко винт торгует.

Винт получился хуиный. Резкий. Блатные вмазались, и довольны. Они же, мудаки, не въезжают в тонкости винтоварения и шурупопотребления. Им надо что бы в бошку ебнуло, а они и поперли буром.

Бабы были, но все разобраны. С блатными была такая телка! Пока варил, весь скончался. Но она сразу упиздюхала как блатные втрескались. А на другую у меня бы не встал.

Устал страшно. Пойду попробую поспать.

ДЕНЬ ТРЕТИЙ.

Утро.

Опять не спал. Видел все сновидные глюки. Описать их невозможно, такое наворочено, и все четко, будто в натуре происходит.

Помню, еду я на подаренном мне розовом «Кадиллаке» по Киеву и вижу аптечный ларек. Я знаю, что в нем из-под полы торгуют салютом. Выхожу из машины и ключи оставляю, причем чую, угонят ведь, но, думаю, успею. Но пока я у ларька тусовался, «Кадиллак» угнали. Я за ним бегу, а они в меня из «Калашей»! Я падаю, качусь, проваливаюсь в какое-то дерьмо.

Потом церковь под открытым небом, а на алтаре баба голая. Красивая, молодая, в соку. Я подхожу и ссу на нее. А поп кадилом машет, благословляет. Мы с ней ебаться только пошли, гроза. Ее похищают. А дальше такая муть, и не вспомнить.

Сейчас попробую чего схавать и варить. Ибо готового нет.

Вечер.

Сварил ништяк. Пришел Блим Кололей с телкой, принес банку. Буду отбивать то и другое.

ДЕНЬ ЧЕТВЕРТЫЙ.

Утро.

Ночью Блим по заширке начал буяннить и я его выгнал. Баба осталась.

Всю ночь она мне поднимала хуй, так и не поебались. Все опять в поту. В комнате воняет, как в козлятнике.

Телку зовут Ира Недоеббб. Она непришейная. Из дому сбежала. Пообещала пожить у меня.

Винта пока хватит, но надо доставать салюта. Туда и идем.

Вечер.

Ира Недоеббб в натуре ебанутая. Не смогла взять по терке и пришлось съебывать на всех парусах из драги. На терке было сделано два, а она, блядь, стала выпрашивать три. Вот и получили ни хуя. Хорошо, хоть терку вернули. Но я все же вырубил, причем в драге, считавшейся безмазовой.

В общем, если сегодня не встанет, выгоню ее на хуй.

ДЕНЬ ПЯТЫЙ.

Утро.

Первый раз поспал!
И пока я спал, эта пизда украли винт, салют, половину компонентов и съебала.
Хорошо, хоть выспался. Вид у меня посвежевший, вырублю. Да и заправка не тронута.
Есть что пустить по вене. А там не пропаду.

Вечер.

Вырубил. Сварил карбид.
Карбид – тоже винт. Правда, таска у него дебильная, но так ничего.
Пытался вызвонить кого-нибудь с телкой. Всех как хуем сдуло. Настроение поганое.
Иду в кровать.

ДЕНЬ ШЕСТОЙ.

Утро.

Не спал. Всю ночь рисовал на заморочке какую-то картину. Так завалил ее деталями, что к утру получился сплошной синий лист. Все пальцы в чернилах.

В морозилке карбид отстоялся, стал нормальным винтом. Ширнул его на рассвете. Таска уже почти прошла. Надо догнаться и идти по теркам.

Вечер.

Откопал пять терок. Средней паршивости. Сразу заполнил и взял три пузыря.

Пока шоркался по драгам, познакомился с девицей, Ниной Хуеглоттт. Смазлива, молода, грязна, но кичится своей честностью. Посмотрим. Все что надо для варки, я заныкал.

ДЕНЬ СЕДЬМОЙ.

Утро.

Ебался всю ночь! И хуй встал, и ебля по кайфу.

Пока Нинка Хуеглоттт отмокала в ванне, сварил. Живого веняка на ней не нашлось, все в дырках и старых дорогах, пришлось шмыгать в подмышку, там еще чего-то оставалось.

Хуй сосет она классно. Правда, с утра свалила, но обещала звонить.

Голова с недосыпу гудит. Хорошо, что все пока есть. Пожрать – и на боковую.

Вечер.

Днем завалился Блим Кололей. Просил красного. Я не дал, сказал, чтобы приносил банку. Он принес две и вместе с ними ораву в пять рыл малолеток.

Малолеток я поставил отбивать, сам сварил, ширнулся. Получился почти без прихода, но тянет классно.

Малолетки не въехали, пришлось объяснять, что это действие чистого первитина, без примесей всякой хуйни, которая и дает ломовой приход.

Свалили они за полночь.

Винта – море. Делать не хуя. Завтра отдохну.

ДЕНЬ ВОСЬМОЙ.

Утро.

Не спал. Смотрел из окна в небо на звезды и спутники. В кустах прятались ебущиеся акробаты на шестах.

Башка трещит, винта просит. Пол квартиры идет волнами. Я тоже.

Вечер.

Завалилась Ира Недоеббб, хотела ширнуться. Выгнал пинками.

Спрятавшись за шторой, слежу за ментами. Они, кажись, чего-то подозревают, но я врубаюсь, что это глюк и стремопатия.

За день прошмыгал пять кубов. Осталось три. Надо в город.

ДЕНЬ ДЕВЯТЫЙ.

Утро.

Поспал час или два. И то под утро. Винта не осталось совсем. Терки еще есть. Жрать не охота. Иду доставать.

Вечер.

Вырулил две банки. Терок не осталось. Компоненты на исходе. Сварил. Ширнулся с трудом. Ширяльный веняк затромбился. Нашел оборотку. Была целкой, стала с фуфляком. Пора отдохнуть.

ДЕНЬ ДЕСЯТЫЙ.

Утро.

В ночи на кумаре приперлась отпизженная Нинка Хуеглоттт. Мылась, ширнул, выебала.

После ебли глядел в потолок. Горы, моря, деревья, как из окна поезда. Стены корчили рожи.

Пора в ремиссию. Или просто отоспаться.

Вечер.

Зарядил Нинку Хуеглоттт за терками и салютом. Принесла.

Стендаля не хватало, позвал Клочкеда. Поделился, забрал квадраты, свалил.

Все заебал. Пора завязывать.

ДЕНЬ ОДИННАДЦАТЫЙ.

Утро.

Ночью ширялся на кухне, пока Нинка Хуеглоттт спала. Утром мазались на пару. Кругом сплошные глюки. Надо кончать с винтом.

Вечер.

Нинка Хуеглоттт притаранила все. Сварил шатаясь. Вмазался. Хочу спать – не могу! Пиздец!

ДЕНЬ ЧЕТЫРНАДЦАТЫЙ.

Вечер.

Проспал почти трое суток. Сломался. Истощал. Когда не спал – жрал.

Зато теперь все ништяк. Веняки поджили. Голова ясная никаких глюков не видно. Рас-судок трезв и на сердце приятственность.

Нинка Хуеглоттт агитирует завтра пойти по теркам, драгам и сварить. Почему бы и нет? Я уже чувствую, как чешутся мои веняки, требуя новой вмазки.

Главное, не входить в марафон и держать себя в руках.

ДЕНЬ ДВАДЦАТЫЙ.

Не сплю пятые сутки. Прошлой ночью ко мне ломились торчки и требовали коки. Под обоями нашел гнездо каких-то мелких тварей. Раздавил. С потолка на лицо постоянно падает штукатурка.

НОЧЬ, УЛИЦА, ФОНАРЬ...

Приснился однажды наркоману Чевеиду Снатуйко страшный сон: Идет он по знакомому городу. Ночь, улица, фонарь... И нет аптеки!

ЗАМОРОЧКА – 6. УПРАВЛЕНИЕ ЛЕТУЧИМИ МЫШАМИ.

Произошло это странное происшествие в одной глухой деревушке. Туда на лето ука-тила Шура Кикоззз, переламываться от винта.

В ближайшем поселке была, конечно, каличная, но ничего, кроме марганцовки и гор-чичников в ней не продавалось. Зато в огородах росли бошки.

Антинаркотическая кампания не проникла в среднерусскую глубинку, чем Шура Кикоззз и пользовалась, еженощно совершая набеги на соседние деревни на предмет дер-бана лишнего махья.

Там ее и нашел Навотно Стоечко.

Шура Кикоззз сперва обрадовалась, обняла его, но потом отступила на шаг и спросила:

– Привез?

Навотно Стоечко кивнул.

– Много?

Навотно Стоечко снова кивнул.

– Будешь?

Третий раз кивнул Навотно Стоечко, и Шура Кикоззз разрыдалась:

– Я же не вытерплю!

На этот раз Навотно Стоечко пожал плечами, как бы показывая, что это его не волнует.

Вечерело. Шура Кикоззз и Навотно Стоечко перекусили и пошли гулять в леса. Кар-маны Навотно Стоечко подозрительно оттопыривались, но невозможно было угадать, что же они на самом деле скрывают.

Набредя на подходящую полянку, Навотно Стоечко сел прямо на землю и разложил носовой платок. Через мгновение на нем появились колючки, пара сучков и фуфырик, обмо-танный скотчем.

Любознательные муравьи попытались тут же проникнуть на новую территорию, но были безжалостно сдуты в траву.

Все было готово, и Навотно Стоечко приступил к ритуалу. Надев выборку на пятишку, он проколол резиновую пробку на обмотанном фуфыре, и набрал в баян два квадрата. После этого он вопросительно взглянул на Шуру Кикоззз. Та махнула рукой:

– Полтора, бля!..

Баян в руке Навотно Стоечко пополнился еще полутора кубами. Слив все это в щело-чильный фуфырь, Навотно Стоечко сыпанул туда децил соды и стал наблюдать, как пузы-рится винт, доходя до готовности.

Когда сода перестала давать пузыри, Навотно Стоечко одним движением намотал на выборку метлу и выбрал себе двушку. Просушив петуха, он сменил выборку на ширяльную колючку, и на этом предварительные приготовления были завершены. Наступил решающий момент ритуала. Закатав рукав рубашки, Навотно Стоечко отвел руку назад, и, с силой при-жав бицепс к боку, вытянул руку вперед. Кожа на ней перекрутилась, и тут же выступили вены, над которыми виднелись красноватые точки дорог.

Над его головой пролетела, хлопая кожаными крыльями, ранняя летучая мышь.

Шура Кикоззз, сощутив подслеповатые глаза, наблюдала за тем, как колючка вонзи-лась в кожу, как потекла в сучок кровь Навотно Стоечко, как бегунок заскользил к канюле, вдавливая в веняк раствор винта.

Ширнувшись, Навотно Стоечко повалился навзничь. Открыв через пару минут глаза, он увидел, что прямо у его рта висит крупная земляничина. Сорвав ее губами, Навотно Стоечко покатал ягоду по небу, смакуя редко попадающийся вкус, и проглотил.

– Не испортился в дороге? – Встала Шура Кикоззз и начала стаскивать с себя футболку. Навотно Стоечко хмыкнул и взял второй сучок.

Когда баян был заряжен, Шура Кикоззз потрогала пальцем центряк и сказала:

– Давай сюда.

Она обхватила ладонью бицепс, несколько раз с силой сжала кулак на ширяемой руке и подставила ее для вмазки. Прицелившись, Навотно Стоечко резко воткнул струну. В баян сразу потек контроль.

Пока девушка приходовалась, Навотно Стоечко снял с нее джинсы, раздвинул послушные ноги и начал ебать, не обращая внимания на комаров, принимающих жопу Навотно Стоечко за бесплатную кормушку. Шура Кикоззз все время ебли лежала тихо, не открывая глаз. Лишь когда Навотно Стоечко кончил и уже вытирал свой хуй листом какого-то лопуха, наркоманка проявила признаки жизни.

– Узнаю твой винт. – Сказала Шура Кикоззз. Она встала и Навотно Стоечко отметил про себя, что ее обнаженное тело приятно контрастирует своей белизной на фоне чернеющих кустов. Но Шура Кикоззз стала одеваться и скрывать свое тело от чужих взглядов.

Неясное томление охватило Навотно Стоечко. Ему захотелось тусоваться, чего-то поделать, но что делать в лесу, когда ебля уже закончилась?

– Пойдем на дербан? – Предложила Шура Кикоззз. – Тут деревня есть. Там на нескольких огородах маковки растут.

В отличие от Шуры Кикоззз Навотно Стоечко был мононаркоманом. Он хавал только винт и не прикасался к другим кайфам. Шура Кикоззз же, напротив, считала, что торчать нужно на всем, что позволяет на себе торчать. И без разбору мазалась черняжкой, хавала колеса, курила траву и пила сок манго, который в просторечье назывался гораздо проще – «молоко бешеной коровки».

Спать не хотелось, и Навотно Стоечко согласился побродить за компанию.

Пока Шура Кикоззз лазала по-пластунски в чужих огородах, Навотно Стоечко глазел по сторонам и считал звезды. Некоторые из них двигались, и достаточно быстро. Не находя этому объяснений, Навотно Стоечко просто смотрел на них.

С мешком маковых растений они возвращались в свою деревню. Шел где-то четвертый час утра.

Вскоре показалась заброшенная голубятня. Это строение указывало, что пройти осталось метров двести, но Навотно Стоечко, утомленный ходьбой и тасканием чужого кайфа, кинул мешок на землю и сел на него. Шура Кикоззз пристроилась рядом.

Вдруг появилась летучая мышь. С пронзительными попискиваниями она устремилась к голубятне и скрылась внутри. Через мгновение она же, или ее подруга, вылетела обратно и скрылась за ветками.

Навотно Стоечко понял, что там их гнездо. Или что там у летучих мышей бывает? Ему захотелось потрогать эту странную мышь, которая не жрет себе зерно в погребе, а парит над и между деревьями, ущемляя тем самым личность Навотно Стоечко, который летать не умеет.

Наркоман прикинул, что надо сделать, чтобы мышь подлетела и далась в руки? Наверное прикинуться такой же мышью. И Навотно Стоечко надел на себя телепатическую маску летучей мышки.

Теплокровные покорительницы воздушных пространств закружили вокруг Навотно Стоечко, но почему-то не садились. И он понял, что у них есть язык. Мыши свистели, но

все по разному. Одни тоньше, другие басовитее, если можно так сказать об ультразвуке на пределе слышимости человеческим ухом.

– Пойдем, дотащим? – Предложила Шура Кикоззз, но Навотно Стоечко лишь отмахнулся, продолжая свои попытки установить контакт с летучими мышами. Теперь он пробо-вал мысленно подозвать их, чтобы одна из мышей села ему на плечо и позволила взять себя в руки.

В ответ на это раздался громкий писк, и мыши заметались в воздухе, словно убоявшись чего-то. В ответ Навотно Стоечко стал излучать доброжелательность. Он мысленно гладил мышек по головкам, приговаривая при этом какие-то ласковые слова. Мыши вроде бы успокоились, но садиться на плечо явно не хотели.

Поняв, что это твари дикие и к человеку не приученные, Навотно Стоечко изменил политику. Теперь он не просто хотел вступить в мысленный диалог, а полностью подавить волю животных, чтобы они исполняли его приказания, как повеления своего властелина.

Напрягшись, Навотно Стоечко выбрал одну из мышей и накрыл ее голову телепатиче-ским колпаком. Мышь резко захлопала крыльями и скрылась в голубятне. Она не признавала Навотно Стоечко.

Раздосадовавшись, тот удвоил свои усилия. Поймав очередную мышь, Навотно Сто-ечко проник в ее нервную систему и дал, как бы изнутри, приказ сесть на этот классный насест, которым прикинулся сам Навотно Стоечко.

Мышь задумчиво покружила вокруг головы Навотно Стоечко, но решила, что насест далеко не классный и полетела прочь. Наркоман выругался про себя и возобновил попытки завладения и подавления чужого сознания.

Больше часа он пытался от натуги. Раздражался, успокаивался, пробовал различные способы. Продолжалось это до тех пор, пока не стало светать и все мыши не скрылись в своем жилище.

Но и тогда Навотно Стоечко несколько раз требовал вылета одной из мышей. Но что взять с неприрученных тварей? Они нагло не подчинялись.

Несколько ночей, пока не кончился привезенный винт, Навотно Стоечко торчал у голу-бятни, карауля мышей. Вскоре они уже принимали его за своего, но, как прирожденные инди-видуалистки, игнорировали всякие его поползновения на амикошонство.

Плюнув, в конце концов, на некоммуникабельных мышей, Навотно Стоечко ширнулся сваренной Шурой Кикоззз черняжкой и пошел ебать ее, девушку, а не черняшку, в курятник.

ЗАМОРОЧКА – 3. БИТВА ЛЕТАЮЩИХ ТАРЕЛОК.

Ты ширнут. Ты вмазан. Ты задвинут. И, кроме того, в твоём кармане бултыхаются несколько квадратов заебаного винта.

Эти обстоятельства наполняют тебя блаженной радостью. Тебе хочется объять весь мир, всех людей, и особенно женщин, которые попадают тебе по пути домой.

В метро ты ебал троих. В автобусе одну, но зато весь путь до дома. Когда ты выходил, она даже тоскливо посмотрела тебе вслед, но преследовать не решилась.

Ты стоишь на пустой ночной остановке и раздумываешь: куда бы направиться. Конечно, ты идешь домой, но там пусто и одиноко, а тебе так хочется поебать кого-нибудь еще. Познакомиться и вздрючить ее по-настоящему.

Парк. Там наверняка кто-то есть. Одинокие девочки, гуляющие, как и ты в поисках приключений. Девочки с маленькими зовущими пиздами, которые жаждут чтобы их поебали.

И вот, ты уже идешь во мраке по тропинкам, высоко поднимая ноги, чтобы не зацепиться за корни деревьев. Над тобой теплое звездчатое безлунное небо, а вокруг – никого. Ты несколько раз меняешь направление, ходишь большими кругами в надежде встретить ту, которую можно выебать, но почему-то никого не попадается.

На небольшой полянке, возле широкой магистральной тропы, ты обнаруживаешь скамейку. Ты садишься на нее, пахнущую влажным деревом, прикидывая, что если девочка пойдет куда-нибудь, она обязательно должна будет пройти мимо тебя, а ты-то и воспользуешься моментом.

Приготовившись к ожиданию, ты расслабленно смотришь на небо. Оно не черное. В точке, куда устремляется твой взгляд, оно становится ярко-фиолетовым. И это фиолетовое пятно мигает, переливаясь оттенками цвета, от него по всему небу расходятся фиолетовые волны, лучи, и ты понимаешь, что это Космос сигналил тебе о чем-то.

Ты продолжаешь созерцать небо, в надежде расшифровать загадочное послание, но никакой информации к тебе не приходит, а может и приходит, но ты ее не замечаешь. Волны фиолетового, бьющие тебе в глаза, прорастают голубыми и розовыми прожилками. Этот свет уже заполняет все небо, и тебе становится видно как днем. Звезды перестают быть звездами, маленькими светящимися точками, теперь они уже огромные шары, у которых одна половина черная, а другая – светлая, и они вразнобой вращаются, показывая тебе то одну, то вторую сторону, как маленькие луны.

Тебе видно все: деревья, кусты, прежде спрятанные во тьме, листья, траву, асфальт, корни. Ты смотришь на свою руку и видишь на ней все подробности, все вены.

Выбрав одну из вращающихся звезд, ты посылаешь к ней мысленный клич: «Эй, разумные существа, прилетите ко мне!» Ты вкладываешь в него всю свою силу, все свое желание встретиться с настоящими инопланетянами. Вдруг и среди них попадется смачная телка, которая будет не против с тобой перепихнуться?

Теперь остается только ждать. Ты чувствуешь, что посланный тобой сигнал дошел до адресата, и теперь они спешно собирают шмотки, чтобы навестить тебя.

Небо потемнело, но только слегка. Из него ушли все разноцветные разводы и теперь оно ровного серого тона, на котором продолжают крутиться шарики звезд.

Каким-то внутренним знанием ты осознаешь, они уже в пути. Они торопятся к тебе. Но сколько времени займет полет? Им же придется пронестись сквозь невероятные космиче-

ские пространства... Но их технология настолько высока, вдруг доходит до твоего сознания, что на все про все им хватит нескольких минут или, в крайнем случае, часов. Ты дождешься.

Холодает, но ты не реагируешь на эту мелкую помеху. Закрыв слезящиеся глаза, ты пытаешься вновь вступить в телепатический контакт с пришельцами. Да. Они уже близко! Да, они подлетают к Земле. Ты начинаешь дрожать, но не от холода, а от предвкушения встречи с иным разумом.

Вот, прямо на дорожку перед тобой, бесшумно садится летающая тарелка. Она мигает посадочными огнями, в стенке образуется проем и в нем возникает человеческая фигура, залитая, как в лучших спилберговских традициях, ярчайшим голубым светом. Его интенсивность постепенно спадает, и ты начинаешь различать черты пришельца. Пусть это будет девушка. Она стройна и красива. Она обнажена. Она подходит к тебе и спрашивает:

– Чо, бля, ебаться хочешь, козел?

Ты мотаешь головой, пытаешься таким способом стряхнуть чужеродную реплику инопланетянки. Но ее мыслеобраз продолжает, не взирая на все твои попытки контроля над собственными мыслями:

– Мы тут, бля, хуячим через сотни световых лет, думаем, какой-то просветленный дорос до контакта, а тут, бля, похотливый наркоман!

Наконец, тебе удается овладеть ситуацией, и девушка начинает говорить гораздо ласковее:

– Ну, ничего, не за просто же хуй мы сюда пиздюхали? Иди со мной, мы, там, у себя, сделаем из тебя человека. Согласен?

Ты радостно киваешь и тащишься вслед за инопланетянкой.

Вот, ты уже внутри. Взлет...

Но от представления будущего контакта тебя отвлекает что-то, творящееся на небе. Погрузившись в мечтания, ты не сразу отреагировал на эти изменения, а, обратив на них внимание, теперь не можешь понять, что, собственно, происходит.

На темно-сером небесном своде сияют фиолетовые сполохи. Резко проносятся невидимые объекты, обозначенные тремя белыми огоньками. Их много. Ты понимаешь, что они в кого-то стреляют. Но в кого?

И тут ты видишь черные огни. Они расположены так же, по углам треугольника. Это противники белых.

Летающие тарелки с белыми огнями мочат летающие тарелки с черными огнями! Настоящая космическая битва! Звездные войны!

Заворожено ты наблюдаешь за эволюциями и маневрами противников. Они яростно палят друг в друга из непонятного оружия. Оно и дает те фиолетовые вспышки, которые и привлекли твое внимание.

Подбитые тарелки не взрываются, они просто исчезают в фиолетовых вспышках. Битва идет уже достаточно долго, но количество противников не уменьшается.

Ты не понимаешь, что же вызвало эту войну? И вдруг до тебя доходит: это же ты вызвал тарелки! Они приняли твой сигнал, как зов о помощи, или как приглашение к массовому контакту. Но, летя сюда, они не подозревали, что на Землю уже заявили свои права другие инопланетяне, которые наблюдают за нами и не допускают в свою зону никого лишнего.

Невозможно разобраться, кто из них плохой, а кто хороший, но они мочат друг друга по чем зря. Ты слышишь предсмертные вопли пилотов тарелок.

– За свободу! – Кричат они в последней агонии. Но за чью свободу гибнут те и другие?

Осознание того, что именно ты послужил причиной этой бойни, пронизывает тебя, как раскаленный штырь. Тебе становится страшно. Ведь кто бы ни победил, тебе будет представлен счет за погибшие жизни!

– Остановитесь! – Издаешь ты телепатический вопль. – Прекратите!

Но тебя никто не слушает. Бой продолжается. Тарелки летают уже в земной атмосфере, со свистом рассекая воздух над твоей головой. Никто не хочет идти на компромисс. Война до победы!

И тут ты слышишь еще один звук. Механический, скрежещущий. Так идут танки по асфальту.

Это наши войска заметили свистопляску инопланетян и разворачиваются в боевые порядки! Небо прочерчивают лучи прожекторов противовоздушной обороны. Летящие тарелки попадают в них, вспыхивают на мгновение серебристыми боками и уносятся прочь, стреляя фиолетовыми искрами.

Грохот разносится отовсюду. Тебе кажется, что танки и ракетные установки прут по парку прямо на тебя, ломая деревья и готовясь к массовой стрельбе.

Мимо тебя проходит мужик с овчаркой. Он не знает, что Земля уже обречена. Гнев инопланетян сотрет с нее все живое.

И вот, наши начинают стрелять.

Бух! Бух! Бух!

Грохочет крупнокалиберная артиллерия.

Вз-з-з! Вз-з-з! Вз-з-з!

Устремляются в небо противовоздушные ракеты.

Спаниель на поводке обнюхивает твои ноги. Поводок держит его хозяйка, девушка лет двадцати. Ты с грустью провожаешь ее глазами. Ей ведь больше не удастся поебстись, а сам ты на это не способен, даже мысленно.

Ты встаешь и медленно плетешься домой по утренним дворам, удивляясь тому, как военным удалось замаскировать огромное количество тяжелой техники. Дома ты разбираешь постель и ложишься спать, почти уверенный в том, что больше не проснешься.

ГЛЮКИЕ ВРАЧИ.

Когда пишешь терку, главное не то, что выписываешь, а фамилия больного. Впрочем, попадают некоторые грамотеи, которым лень заглянуть в толстого Машука. Вот они и пишут «Sol. Ehpedrini», стремясь тем самым и себя и драги.

Да, чтобы получить этот самый Эх! Педрин! надо постараться. Напишешь «больной Иванов», и сразу понятно, что это поддельная терка. И фамилия Хуеглотопер тоже не похорошему бросается в глаза, заставляя дибить обладателя этой фамилии, или его родственника, ибо сам гражданин Хуеглотопер не соизволил прийти за своим лекарством.

Дальше. Лучше всего писать хохлов. Иванько, Бегунько, Лещенко. У них, блядей, не поймешь по фамилии, мужик это или баба. А значит, стрему меньше.

Но иногда случаются накладки. Пишет некто фамилию больного – Клочко. Рука у него срывается и вместо Клочко получается Клочкед! Вот и погоняло.

С торчками, вообще, частенько хохмы происходят. Напишет кто-нибудь так, для прикола: больной Эпхман. А терку берут и отоваривают! В следующий раз наркоша совсем наглеет и появляется больной Перви'тин. А за Первитина торчка и берут в менты. Не наглей!

С врачами тоже на все так просто. К примеру, во врачуху Машину Коленику Ввеновну никто не поверит. Зато если на терке стоит печать врача Семарь-Здрахаря, ее почему-то берут.

Неисповедимы терочные пути! Неисповедим Великий Джефой Путь!

Или так иногда бывает, скажет кто-то: «На, вот, настоечку!» А второму возмись и приглючься: «Навотно Стоечко.» Кто такой Навотно Стоечко? Врач. Он эфедрин выписывает. Причем всем подряд. Да и сам не против его употребить.

Прозвучит: «Скидай костюмчик.» А получится Седайко Стюмчек.

Правда, некоторые врачи бывают совершенно глюкие, непонятно откуда пришедшие. Вот Шантор Червиц. Как он появился? Загадка. Или Чевеид Снатайко. Тоже таинственная личность. Блим Кололей. При этом имени проскакивают какие-то ширяльные ассоциации, но что конкретно? Не понять.

Но всех этих врачей объединяет одна страсть. Очень они любят психостимуляторы. И выписывать, и потреблять. Понравится какому-нибудь безымянному торчку врач, вот он с ним и сотрудничает. Учится его подпись ставить, отождествляется с ним. Так и выходит, был врач, стал торчок.

А потом, по мере накопления подвигов, им звания присваивают. «Почетный астматик Советского Союза», «Заслуженный Астматик Советского Союза». Или такие: «Дважды шировой, почетный больной города Москвы и его каличных, орденосец трех степеней «Золотого Баяна», герой ширяльного труда Семарь-Здрахарь». После такого представления у торчков-пионеров крышняк слетает и они послушно бегут по драгам.

А Семарь-Здрахарь сидит на своей хате и ждет: не привалит ли еще какая глюка с именем?

ЛАБОРАНТЫ.

В тот год Седайко Стюмчек и Чевеид Снатайко устроились работать. Они долго выбирали себе должность по вкусу и, наконец, им подвернулись места лаборантов.

Институт был учебный, а кафедра химической. И торчезозники надеялись разжиться среди завалов реактивов чем-нибудь для них полезительным.

Но, при детальном рассмотрении, никаких эфедринов, первитинов и фенаминов среди химикатов не нашлось, за исключением уксуса и марганцовки. А Седайко Стюмчек и Чевеид Снатайко были как раз заядлыми мулечниками, ибо винта варить пока не умели.

И потянулись занудные трудовые будни, которые каждый из них сдабривал несколькими кубами мультки.

Вот как это происходило.

В те годы фабричный эфедрин был благополучно проширян армией марцифальщиков. Без вытерки его стало не достать, да и то лишь в терочно-бодяжных отделах каличных.

И с утраца, до захода на работу, Седайко Стюмчек шел в пару ближайших драг и заказывал 20 по 3. Это значило, что к обеду добросовестные аптекари должны будут для него забодяжить двадцать кубов трехпроцентного эфедрина.

Достоинство мультки в том, что с нее практически не кумарит. Ее нужно было ширять сотнями кубов, прежде чем торчок на мультке мог просечь какие-то некайфы, типа дрожи в руках, слабости в ногах и заикленности в мозгах, которые отказывались работать в другую сторону, нежели добывание эфедрина.

Еще одним недостатком мультки было то, что она частенько выходила переокисленной и палила веняки. Но ее подшкурное попадание не было таким болезненным, как у пришедшего ей на смену винта.

Существовала еще народная мулечная игра в догонялки. Чем больше широкезник мазался мульткой, тем больше ее было надо. И догоняться зачастую приходилось каждый час. Это при мазовом раскладе. Впрочем, если запасы кончались, можно было спокойно обойтись и без ширева. Некоторое время.

Но Седайко Стюмчику и Чевеиду Снатайко этого не хотелось.

Поставив тупым студакам лабу, они курили в сортире, предвкушая послеобеденный поход по каличным. Хотя нет, вместообеденный, ибо какой может быть обед под мульткой?

С трудом дождавшись перерыва, торчки срывались и бежали отоваривать квитки на джеф. Вернувшись с добычей, они забирались в каптерку Чевеида Снатайко. Там были подходящие условия для варки марцифали.

Вылив сорок кубов в бодяжный стаканчик, Чевеид Снатайко ставил его на магнитную мешалку, и устанавливал на ней температуру в сорок цельсиев. Дождавшись, когда на поверхности раствора появится стабильная воронка, в него добавлялось расчетное количество одно-молярной уксусной кислоты.

Седайко Стюмчек в это время отмерял на аналитических весах необходимое для реакции количество кристаллического перманганата калия одноводного. Засыпав и его, торчки некоторое время вдумчиво и пытливо наблюдали за коричневением смеси, пока не наступала пора готовить фильтрующую установку.

Они, конечно, за долгий мулечный стаж, научились крутить петухов и забивать метлы, но само наличие химической посуды провоцировало их на максимально полное ее использование.

Вырезав фильтр-бумажку под размер воронки Бюхнера и смочив ее дистиллятом, они водружали это на колбу Бунзена, на носик которой уже был надет шланг, присоединенный

к водоструйному насосу. К этому моменту марганцовка должна была полностью прореагировать, и можно было получать ширяльную жидкость.

Чтобы бодяга не попала в чистяк, они сперва включали водоструйку и лишь когда фильтр намертво присасывался к доньшку воронки Бюхнера, наливали в нее мульку.

Сразу же в колбу начинал поступать раствор. Чевеид Снатайко и Седайко Стюмчек заморожено следили сперва за струйкой, потом за каплями и, лишь когда бодяга в воронке была уже совершенно сухой, прекращали процесс фильтрации.

Готовую мульку переливали в термостойкую стакашку и, если было время и настроение, упаривали на той же магнитной мешалке раза в два, а то и три. Если же настроения не было, мулкой заряжались десятикубовые Ширяновские баяны.

Мазаться в каптерке было стремновато, мог зайти кто-нибудь из препов. Поэтому ширяльными местами были избраны чердак и сортир.

Ублаготворившись, Седайко Стюмчек и Чевеид Снатайко шли работать. Они доходчиво втолковывали безмозглым студакам основы химии и ждали конца рабочего дня.

Приведя помещения в порядок для следующего дня, они опять встречались и, вмазавшись остатками мульки, разбрехались по драгам, пытаясь закинуть в них терки для завтрашней ширки.

Они проработали так около года, и ушли в один день, захватив с собой остатки марганцовокислого калия, магнитные мешалки и фильтровальные установки, так как очень уж сильно к ним привязались.

ПРЫЩИ.

Однажды Семарь-Здрахарь собрался сварить винта. А бензина не было, и как тягу он взял толуол.

Винт получился клевый. Приход долгий, таска мягкая. А на следующий день вся спина и руки Семаря-Здрахаря покрылись большими красными прыщами. Которые, к тому же, еще жутко чесались.

Семарь-Здрахарь разодрал себе все руки и спину, куда смог дотянуться. А потом он сварил винт на бензине и все прыщи пропали.

Такая вот мистика.

ПЕРВЫЙ КВАДРАТ.

Меня зовут Ключкед. Но я пока этого не знаю.

Сегодня произойдет одно событие, которое я сочту маловажным, но оно в корне изменит всю мою жизнь. А пока что я сижу на лавочке, в окружении длинноволосого пипла, лениво переругивающегося матом и обсуждающего проблемы найта и вписки. Вокруг бегают крысы странного рыжего цвета, сквозь тополиную листву со скрипом продираются лучи послеполуденного солнца, а я сижу, смоля «пегасину», и наблюдаю за окружающим пространством и существами, его наполняющими.

Внимание мое привлекают несколько хиппарей. Их поведение не сильно отличается от остальной массы, но... Эти отличия заставляют меня приглядеться.

Трое менов и одна герла скучковались на скамейке и занимаются непонятным процессом. Они стоят так, чтобы полностью загородить от посторонних предмет их деятельности.

Тайна?..

Интересно. Люблю тайны...

Оглядевшись по сторонам я вдруг понимаю, что на них никто, кроме меня, не смотрит. Наоборот, взоры всего пипла ощупывают всех проходящих мимо. Летний воздух наполняется запахом стрема.

Ветерок доносит до меня резкий уксусный аромат. Я решаюсь и спрашиваю у соседа:

– Чего они там творят?

– Эти-то... – Лениво зеваает сосед, не забывая, скосив глаза, оценить меня на степень стремности. Тест мною пройден успешно: фенечки, хайер, тусовка с пацификом, ксивник. Сосед еще раз позевывает и продолжает:

– Мульку варят. Сейчас ширяться будут.

– Мульку? Ширяться? – Несмотря на двухмесячный стаж в системе, эти слова мне пока что известны не были.

– Колоться. – Поясняет сосед. И внезапно добавляет со зверской ухмылкой:

– В вену!..

Мы пару секунд тарашимся друг на друга.

– А мультка – это наркотик? – Нельзя сказать, что мне страшно, но встреча с живыми наркоманами...

– Да, хуйня!.. Так, поебень и баловство.

Мне становится намного спокойнее...

– Менты только за это свинтить могут...

За время беседы суэта на скамейке наркоманов закончилась. Они взяли тусовки и направились в кусты. В руке одного из хиппов я замечаю сверкнувшую на солнце стекляшку. Шприц.

Ветки загораживают происходящее, но сквозь листву мне удастся разглядеть, как вся четверка садится на корточки и один из парней закатывает рукав. Другой встает перед ним на колени, полностью загораживая мне обзор. Через полминуты он сдвигается в сторону и мне видно, как рука, на которой видна полоска крови, сгибается в локте. Ее обладатель выходит из укрытия. Вид у него отрешенный. На лице проступают первые признаки надвигающегося блаженства. Он шустрыми взглядами окидывает тусовку, и направляется прямо ко мне.

– Курить есть? – Его голос сух, словно он не замечает ничего, кроме приведшей его ко мне цели.

– На. – Я протягиваю ему пачку.

– Спасибо. – Его голос ломается, как пересушенный лист. Звуки скребут по небу и вываливаются изо рта странными угловатыми кусочками речи.

Закрыв глаза, он курит, затягиваясь глубоко, задерживая дыхание на каждом вдохе табачного дыма. Краем глаза я наблюдаю за ним.

Удивительно. Наркоман, а выглядит как обычный человек. Руки, ноги, даже голова есть. Непонятно...

Я никогда не задумывался над тем, как же должен выглядеть потребитель наркотиков. На карикатурах из журнала «Здоровье», они измождены до предела, у них бешеные глаза, в руках – гигантские шприцы... А тут... Ничего похожего.

Вздыхнув, он открывает глаза, чтобы увидеть остальных наркоманов, выходящих из-за кустов. Они возбужденно, в полголоса, переговариваются, продвигаясь к моей скамейке, и присоединяются к уколотому товарищу.

– Не кислая? – Герла бухается рядом со мной и отбирает мой бычок.

– Не... Хорошо пошло...

– А то мне что-то веняк обожгло... – Девушка глотает дым и растекается по крашеным брускам. По ее неумытой мордашке блуждает сладостная улыбка, кажется, еще немного и девичье тело закапает на растущую под скамьей траву.

– Пойдем за еще одной банкой? – Томно, словно он голубой, вопрошает делавший уколы.

– В пизду. – Машет рукой герла. – Давай сначала оприходуемся...

Некоторое время они сидят молча, погруженные в свои, непонятные для непосвященных, мысли. Или это всего лишь видимость мыслительной работы, и они целиком отдались утонченному смакованию наркотических ощущений?

Солнечный диск медленно заползает за крышу дома.

А я сижу, окруженный наркоманами с отрешенными лицами и не знаю, «да» или «нет».

– Пошли в драгу. – Говорит третий, до сих пор молчавший парень. Они встают и тут, неожиданно для самого себя я...

– А можно, я с вами?

Неужели это мои слова? Почему я их сказал? Неужели я решился попробовать НАРКОТИК? Но я же не хочу этого, на самом-то деле! Или хочу, но боюсь признаться в этом себе самому? Почему же я признаюсь в этом совершенно незнакомому пиплу?

– А ты торчишь?

– Нет.

Все, и я в том числе, удивленно переглядываются.

– Тебе, наверное, надо объяснить кой чего... – Чешет жидкую бороденку делавший уколы. – Тебя звать-то как?

Я называюсь.

– Погоняло есть?

– Нет пока...

– А я – Радедорм. Это, – Кивок в сторону первого уколотого, – Нефедыч. Это, – Кивок в направлении второго парня, – Джеф. Герлица – Мулька. Ну, пошли?..

Мы поднялись. Уходя с тусовки, я оглянулся. Но никто не вскочил со своего места, никто не закричал:

– Стой, куда же ты, мудила?!

Все были заняты. Они сидели, пиздили и тусовались.

Мы шли по кривым московским улочкам. Нефедыч, Джеф и Мулька впереди, а я с Радедормом чуть поодаль.

– Ты сам этого хочешь? – В тоне Радедорма не было ничего назидательного, усталые слова нехотя извлекались из глотки, словно ему каждый день приходилось просвещать наркоманов-новичков.

– Ну, да. Хотелось бы попробовать. – Непонятно зачем упорствовал я. – Только...

– Да ты говори, не стремайся...

– Я слушал, что первую порцию бесплатно, а когда втянешься...

– Пионер!.. – Заухмылялся Радедорм. – Ты начитался брошюрок про западных торчков?

Да? Так это там и с гариком.

– Кто это, Гарик?

– Героин. Он же диацетилморфин. На него подсесть как не хуй делать. Это ж опиат.

Мулька, она не такая...

– Мулька? Это та герла?

– Не-е!.. – Наркотический смех стал громче и раскатистее. – Ее погнало от мульки и пошло. Очень она ее любит.

– А цена-то?

– Шесть-восемь копеек.

– И все?!

– Все!

Несколько минут я переваривал услышанное. Нет, тут должен быть какой-нибудь подвох. Может сам укол дорого стоит? Но спросил я совсем не это:

– Но привыкнуть-то можно?

– Если очень постараться, то можно все! Мулька, это такая поебень, которая не входит в обмен веществ. Ты тащишься и все. А отходняк – как похмелье после стакана портвея.

– Кайф-то какой?

– М-м-м... Словами это не передать.

– Ну, на что похоже?

– Примерно, как кофе обпился... Только еще концентрированнее.

Кофе? Портвейн? Вещи знакомые и приятные. Эти названия убаюкивали и возбуждали одновременно. Видать есть что-то в этой мулке, не за просто хуй вся эта кодла ею балуется...

– Кто в драгу пойдет?

Джеф и компания стояли возле аптеки и поджидали нас. Мулька повернулась ко мне и ласково так, мяконько прощебетала:

– Может ты?..

– Точно! – Поддержал Радедорм, – Ты вида не стремного. Не засветился пока. Давай!

На каком-то странном автопилоте я кивнул и пошел в аптеку.

– Стой! Чего брать-то знаешь?

– Мульку...

– Ага. Этот джеф у нас мулкой зовется... – Хмыкнул Нефедыч и я понял, что не хочу узнавать его ближе.

– Идешь в хэндový отдел, ручной, спрашиваешь: эфедрин есть? Тебе говорят 2-х и 3-х процентный. Ты берешь два пузырька трехпроцентного. Это 16 копеек. Понял? Прайсы есть?

– Понял. Есть.

В аптеке оказалось совсем не страшно. Мне без лишних слов выдали три пузырька. Один я заныкал, так, на всякий случай, а два других зажал в потеющей ладони и вынес в вечеряющий город.

– О, ништяк! – Обрадовались наркоманы.

– Где забодяжим? – Полюбопытствовал Джеф.

Радедорм заныкал пузырьки в тусовку и почесал бороду:

– В парадняке.

И повел дворами, точно зная конечный пункт маршрута. Им оказался старинный четырех- или пятиэтажный домина с черной лестницей. На ней-то мы и расположились.

– У кого стрем-пакет? – Шепнул Радедорм. С каждым вздохом вокруг меня сгушалась атмосфера романтического делания чего-то противозаконного, но приятного, как ебля...

Все делал только сам Радедорм. Он расстелил на ступеньке газету, извлек пузырьки с оранжевыми этикетками, зубами скovyрнул с них жестяные колпачки. Откупорил, положив серые резиновые пробочки перед каждым из пузырьков. Потом на свет появился еще одна аптечная склянка, из которой в выемки пробочек были насыпаны горки черно-красных кристаллов.

– Что это? – Тихо, как мог, спросил я.

– Марганцовка.

В руке Радедорма появился небольшой шприц и мерзавчик. От бутылки воняло уксусом. Он-то и наполнил шприц до краев. Радедорм осторожно влил в каждый из пузырьков эфедрина по половине шприца. Затем произошло странное. Взяв пробочку с марганцовкой, Радедорм вывалил ее содержимое в эфедрин и ею же закупорил! Прозрачная жидкость немедленно стала густо-фиолетовой. Такая же участь постигла и второй пузырек.

– Промой баян. – Радедорм протянул шприц Нефедычу. Тот достал бутылку с прозрачной жидкостью, стакан, наполнил последний из бутылки и начал набирать ее в шприц, а затем выпрыскивать на нижние пролеты лестницы.

– Что он делает?

– Машину полощет. Чтоб лишнего уксуса не было...

В это время Радедорм, сидя на ступеньках, исполнял странный танец: придерживая большими пальцами пробки зажатых в обеих руках пузырьков, он активно тряс кулаками, то в такт, то в разной. Иногда он останавливался, смотрел пузырьки на просвет и снова продолжал взбалтывание.

Все, словно замерзшие, наблюдали за этими движениями. Мне тогда показалось, что Радедорм – это что-то типа гипнотизера, заставляющего всех подчиняться своей непредсказуемой воле. Или он алхимик? Колдующий над пузырьками, составляющий из элементарных и доступных компонентов нечто непостижимое, вроде философского камня, дарующего власть и вечное блаженство.

– Готовьте петуха. – Гордо шепнул Радедорм, продолжая потряхивать пузырьки, но уже менее активно. Заметно было, что жидкость в них приобрела темно-коричневый цвет. Пространство под пробкой сплошь заполняли мелкие пузыри.

– Держи. – И Радедорм передал Джефу один флакончик. Хиппарь осторожно принял его, так же, как Радедорм, с силой придавливая пробку.

В пальцах изготовителя мульки появилась длинная толстая игла. Он осторожно воткнул ее в резину и проколол пробку насквозь. Раздалось слабое шипение, и на толстом конце иглы появились коричневые пузырьки.

– Готово. – Радедорм торжествующе огляделся. Заметив, что все смотрят на него, он прошипел:

– Что, петуха всем впадлу наматывать?!

Засуетился Нефедыч. Он запустил руку в тусовку, достал медицинскую иглу, двойника продырявившей пробку, и начал медленно наматывать на нее шматок ваты размером с два ногтя большого пальца. Получилась плотная ватная груша.

Радедорм снял с пузырька крышку с иглой, осторожно, чтобы не испачкаться в коричневой массе, передал это сооружение Джефу:

– Проткни свой.

Джеф нашел в перилах лестницы развилку и, заведя пробку за нее, освободил иглу. Но когда он собирался продырявить доверенный ему пузырек, палец его соскользнул, и крышечка с хлопком покинула насиженное место. Описав дугу, и разбрызгивая в ходе полета

мелкие брызги, она покатила по ступенькам. В воздухе повис слабенький запах горького миндаля.

– Сорвалась. – Проговорил Джеф, удивляясь, как же такое могло вообще случиться. Он поставил пузырек на ступеньку рядом с Радедором и отошел, слизывая с пальцев темные капли.

– Дайте в руки мне баян! – Пропел Радедор, ставя свою склянку ко второй:

– Я порву его к хуям!

Из бездонной тусовки появился еще один шприц, поболее первого. Радедор присоединил к нему иглу с «петухом», поводит поршнем вверх-вниз. Глаза его начали радостно блестеть. Он улыбнулся, и, бормоча что-то под нос, взял со ступеньки пузырек. Опустив в него иглу с ваткой, он ловко перехватил шприц и большим пальцем начал оттягивать поршень.

Сначала ничего не происходило. Потом в баллончике шприца появилась первая капля, и он начал наполняться прозрачной, слегка желтоватой жидкостью. Жидкость пузырилась.

Джеф наматывал второго петуха, а Нефедыч и Мулька, не отрываясь, наблюдали за заполнением баллончика. Вскоре, когда тот был почти полон, Радедор прекратил отсасывание и отсоединил иглу, оставив ее в пузырьке.

– На, выбирай себе. – Протянул он остатки Нефедычу. Тот сразу принялся за это дело. Сам же Радедор, прекратив обращать внимание на что бы то ни было, нацепил на шприц новую, тонкую иглу и закатал себе рукав.

Показалось предплечье, на нем виднелись цепочки небольших коросточек. Радедор издал радостное шипение, взял шприц в рот и перетянул руку манжетом рубашки.

Взбухли серые кабели. Я заморожено смотрел на выпирающие из-под кожи вены, палец Радедора, который надавливал на них.

Наконец, наркоман принял решение. Он извлек шприц изо рта и нацелился иглой в найденное место:

– Ну, не подведи, старый добрый рекордишник! – И игла продырявила кожу.

– Контроль, ты где? – Бормотал Радедор, зачем-то пытаясь большим пальцем оттянуть поршень. В прозрачную жидкость брызнула кровь. Она неширокой струйкой потекла вниз, стелясь по внутренней стороне стеклянного баллончика, не смешиваясь с раствором наркотика.

– Погнали. – Шепнул Радедор, он шевельнул рукой, манжета, ее перетягивающая распустилась, и упала прямо на то место, где был воткнут шприц. Но наркоман, не обращая на это внимания, начал вводить мульку.

Секунд пять – и шприц был пуст.

Рывком выдернув иглу из руки, Радедор протянул шприц. Джеф тут же его взял. За мгновения, пока отверстие от укола оставалось без присмотра, через него уже вытекло сколько-то крови, оставляя на коже темно-красную полосу. Отдав инструмент, Радедор прижал дырку пальцем и медленно откинулся на пыльные ступени.

Пока он лежал с закрытыми глазами, Джеф сполоснул шприц от крови, взял пузырек, и, нацепив торчащую из него иглу на шприц, стал набирать раствор мульки.

Неужели он хочет уколиться тем же шприцом? Я недоумевал, ведь шприцы надо кипятить, стерилизовать, иначе...

– А вы все одним?.. – Наклонился я к Нефедычу.

– Не стремайся. – Он взял меня за локоть и доверительно впился взглядом в мои расширенные глаза. – Мы чистые. Гепатита ни у кого нет, и не было. И вообще, мулька хороша тем, что она сама антисептик. Через нее не заразишься.

Джеф уже наполнил шприц, а Радедор не подавал признаков жизни.

– Подержи... – Попросил Джеф Мульку. Та с готовностью обхватила его бицепс обеими руками. Джеф не стал садиться и долго готовиться. Он чуть ли не с размаху всадил иглу и сразу же начал жать на поршень, вдавливая в себя наркотик.

Закончив, он отдал шприц Нефедычу и сполз по стенке.

– С ними все в порядке? – Спросить, кроме переминающейся с ноги на ногу Мульки, было уже некого.

– Ага... Приходятся.

После этого она на меня посмотрела. И я понял, что она ни за какие коврижки не уступит мне свою очередь. Я буду последним. Странно, оказывается, я еще лелеял какие-то надежды...

Пока Мулька колола Нефедыча, очухался Радедорм. Я тут же пристал к нему:

– Что, от этого так сознание теряют?

– Не-е... Это приход. Его надо чувствовать...

Да, – Вдруг переменял он тему, – Ты до сих пор хочешь сесть на иглу?

Я кивнул, понимая, что это «сесть на иглу» должно означать приобщение к клану потребителей наркотиков.

– Что ж, запомни этот день! Сегодня ты впервые ширнешься. Ширяние – это не простое баловство, это погружение в неизведанные глубины твоей психики, это путешествие в мир, в котором ты никогда еще не бывал, мир удивительный и странный, не похожий ни на что виденное тобою раньше. Ширка – это философский процесс. С каждой последующей вмазкой ты будешь все сильнее погружаться в эту философию, постигать ее и, вместе с ней постигать и себя...

– Потише вещай. Болтушка напала? – Прошипел с пола Джеф.

– Приходуйся, давай. – Добродушно проворчал Радедорм и продолжил, но уже значительно тише:

– Это путь, с которого уже нет возврата. Но не бойся, используй свой шанс, чтобы изменить себя и стать выше недоебаной толпы ебучих урелов, не знающих кайфа вмазки. Ты будешь выше пидорасов-совков, ты будешь ссать и срать им на лысины, пролетая над их безмозглыми бошками. Ты будешь ебать всех самых красивых баб и никто тебе в этом не помешает. Ты будешь свободен от условностей и хуиных комплексов, которыми напичкал тебя красножопый совок, который только и стоит того, чтобы засандалить ему километровым хуилой, чтоб разорвать к ебням все его задроченные кишки и чтоб издох он в страшных муках не в силах отсосать сам себе!..

Слова пролетали мимо меня, почти не затрагивая сознание. Заботило меня одно: Мулька лежала уколотая, а Джеф набирал в шприц, уже ширнувший четверых сегодня (а за все время его жизни?..), остатки мульки. Сколько их? Сколько мне достанется? И достанется ли вообще?

Но Джеф закончил процедуру выбирания и улыбнулся. Он улыбнулся мне:

– Готов?

В горле стало неудобно, словно мне вставили, без на то моего согласия, чужой протез. Горький и скребущий.

Я судорожно кивнул, рукав и так у меня был закатан выше локтя.

– Может сядешь?

Сказать, что я сел, значит соврать. Я бухнулся на холодные жесткие ступени и протянул руку.

– Поставь локоть на колено. – Приказал Джеф. Пришлось повиноваться.

– Нефедыч, перетяни ему.

И Нефедыч обхватил своими лапами мою несчастную руку.

– Не смотри, если страшно, – Разродился советом Джеф, но я решил, что мне не будет страшно, что я буду смотреть как...

Игла вонзилась в мою руку. Боли почти не было. Разве что самую малость, на которую и внимание обращать совестно.

– Классные вены. – Шептал Джеф. – В такие с закрытыми глазами ширять можно.

Пока он это говорил, в шприце показалась кровь. Моя кровь.

Сейчас...

Нефедыч убрал сдавливавшие руки и Джеф начал медленно вводить в меня мульку. Наркотик. Неужели это я?..

– Если станет нехорошо, говори сразу.

Я замотал головой.

– На приходе резких движений не делай и закрой глаза.

Вдруг шприц выдернули. Оказывается все... Наркотик в крови. Кровь во мне. А где же приход?

Я мерз на ступенях, смежив веки и исподтишка поглядывая за новыми приятелями. Я боялся, что пока я тут лежу, они тихо съебутся и оставят меня одного...

Вы ждете описания того, что со мной произошло после укола?

А почти ничего!

Я не понимал, чего надо ждать. Я сжался внутри. Я боролся со всем, что хоть на гран могло показаться странным.

Я ждал невыносимых ощущений, а их-то и не было! Я подготовился к галлюцинациям, но, вот хуйня, ни хуя подобного!

Да, появилось какое-то приподнятое состояние. Да, захотелось пить и ссать. Да, на языке появился привкус горького миндаля. Ну и что?

И это все?

Ради этого люди рискуют жизнями? Ради этого идут на риск быть посаженными в тюрьму?

Непонятно...

Поебень какая-то.

И ничего страшного.

Эта мысль меня успокоила. Хотя нет, я был слегка возбужден, хотелось рассказать всем о том, насколько напрасны, безосновательны, неприпиздны были все мои страхи.

– Ну, как? – Наклонился надо мной Радедорм.

Мне не хотелось его огорчать, ведь он поделился со мной, хотя эфедрин был куплен на мои кровные, ведь он все это сделал, хотя и по моей просьбе, ведь...

– Хорошо... – Выдавил я из себя.

И понял, что не соврал.

Легкое тело. Ясные мысли. Что еще надо?

Потом мы долго тусовались по вечерней Москве. А вечером, почти ночью, я пришел домой и что-то писал до самого утра...

ЭКЗАМЕН.

– Клочкед, – Сказали они, – Ты умеешь варить мультку?

Клочкед окинул взором эту парочку студентов. Они поймали его в сортире, куда на переменах сбиралась курящая часть студентов мужского пола. Пока Клочкед застегивал ширинку, они переминались с ноги на ногу, пытались спрятаться друг за друга, их очи болтались долу, но наметанный глаз Клочкеда сразу узнал в этих пионерах Шантора Червица и Чевеида Снатайко.

– А кто это вам спзидил такую хуйню? – Пожал плечами Клочкед. И увидел, что Шантор Червиц и Чевеид Снатайко запаниковали.

– Ну, как, это, этот, как его... Семарь-Здрахарь...

– А-а-а... Так он сам, вроде, варит...

– Да, да! – Обрадовался Чевеид Снатайко.

– Он нам все рассказал. – Закивал Шантор Червиц.

– Мы попробовали... – Признался Чевеид Снатайко.

– Но у нас ничего не получилось. – Откровенничал Шантор Червиц.

– А Семарь-Здрахарь говорил... – Начал выкручиваться Чевеид Снатайко.

– Что ты варишь лучше всех... – Заискивал Шантор Червиц.

Не сдерживая себя, Клочкед рассмеялся:

– Это как же надо варить мультку, чтобы она не получилась?!..

Шантор Червиц и Чевеид Снатайко краснели, пыхтели и прятали под кафельный пол свои бесстыжие глаза.

– А на хуя вам мультка? – Проверял решимость неопитов матерый торчикожник Клочкед. – Покайфовать хотите? Так лучше пойдите по пивку...

– Не-е-е... – Затрясли головами Чевеид Снатайко и Шантор Червиц. – Нам для дела!

Проморгавшись, Клочкед переварил эту небылицу, но решил выяснить все до конца:

– Какого?

Перебивая друг друга, Шантор Червиц и Чевеид Снатайко ринулись в объяснения.

– Нам говорили... – Многозначительно делал паузу Шантор Червиц.

– Что от мультки не спишь. – Вздыхал брови Чевеид Снатайко.

– И работоспособность повышается. – Размахивал руками Шантор Червиц.

– А мы хотим... – Выпячивал подбородок и поджимал губы Чевеид Снатайко.

– Сдать сессию. – Подпрыгивал на месте Шантор Червиц.

– Так, чтобы степуха была... – Горестно вздыхал Чевеид Снатайко.

– Троечники! – Врубился Клочкед. – Хотите на мультке экзамены сдать!.. Вот умора!

Вы сами-то врубаются, какую вы хуйню порете?!

– Какую? – Переглянулись Чевеид Снатайко и Шантор Червиц.

– Ба-альшую!

– Почему? – Недоумевали Шантор Червиц и Чевеид Снатайко.

– Чтоб не спать и работать всю ночь, мультка не нужна. Обычного джефа хватит. Выпи-ваешь пузырь, морковкой закусил, и понеслась пизда по кочкам!

А с мульткой мороки!.. Сварить надо уметь, петуха крутить тоже с полтыка не получится, да еще баян на венок поставить, это не хуй собачий, диплом нужен!

– Да, пробовали мы чистый! – Замахал на Клочкеда руками Чевеид Снатайко.

– Пробовали. – Обреченно махнул рукой Шантор Червиц.

– От голого эфедрина только волосы на голове шевелятся... – Негодовал Чевеид Снатайко.

– Только волосы... – Разводил руками Шантор Червиц.

– Да возбуждение какое-то беспонтовое. – Плевался Чевеид Снатайко.
– Беспонто-овое... – Цыкал зубом Шантор Червиц.
– Так что на тебя одна надежда. – Горестно пукал Чевеид Снатайко.
– К ми-илости-и тво-о-ей упова-а-ае-е-ем-м-м! Не-е по-огуби-и-и!.. Да настави нас на путь истины-ы-ый, да-ай нам зна-ания та-айного-о-о!.. Приобщи нас к веняков про-тыка-анию, да и заливанью туда мульки силудаю-уще-ей... – Забасил вдруг Шантор Червиц.
После такого пения Клочкед, осажденный со всех сторон, вынужденно сдался.

– Ладно, уболтали.

И вздох облегчения приобщившихся взъерошил волосы на его голове.

– А у нас все с собой! – Радостно сообщили Чевеид Снатайко и Шантор Червиц.

– Баяны? – Строго спросил Клочкед.

– Четыре штуки.

– Фирма?

– Ширяна.

– Джеф?

– Пять банок.

– Это ж уширяться! – Обрадовался Клочкед и продолжил инвентаризацию:

– Уксус, марганцовка, вата?

– Есть, все есть! – Чевеид Снатайко и Шантор Червиц приплясывали то ли от радости и предвкушения, то ли от нетерпения и оголтения.

– Пошли. – Раздался клочкедовский приказ, и они гуськом пошли по гулким институтским коридорам. Вскоре была найдена пустующая аудитория. Клочкед расположился за столом преподавателя и отправил Чевеида Снатайко спиздить в буфете стакан и притаранить его полный воды. Пока тот ходил, сам Клочкед разложил тетрадки и стал готовиться к коллоквиуму по деталям и механизмам, не реагируя на робкие попытки Шантора Червица завязать беседу на мулечную тематику.

Явился гонец, притаранивший тонкостенный аршин, полный чистейшей ледяной воды. Собственноручно заперев изнутри дверь, Клочкед попросил извлечь стремаки.

– Делать будете сами, синхронно, под моим руководством.

Чевеид Снатайко и Шантор Червиц вытянулись во фронт.

– Варка мульки имеет несколько тонкостей. – Клочкед неожиданно-негаданно поймел на сегодня халявную вмазку и, оттягивая время собственной ширки, тащился, наблюдая как внимают его лекции с проведением химических опытов Шантор Червиц и Чевеид Снатайко.

– Первая тонкость – снятие жестяной крышки. Это можно делать ножницами, ключами, но если их нет под рукой – то зубами.

Взяв в рот пузырек эфедрина, Клочкед стащил с него жестяную заглушку вместе с резиновой пробочкой.

– Понятно?

Слушатели закивали.

– Повтори. – И Клочкед протянул закупоренный пузырек Шантору Червицу. Тот пару минут слюнявил его и признался в собственном бессилии.

– Ничего... – Ободрил его Клочкед, – С первого раза не у всех получается. У тебя еще будет время на тренировки.

Ланиты растроганного Шантора Червица оросились скупыми слезами, а эстафетный пузырек перешел к Чевеиду Снатайко. Он яростно вгрызся в тонкое железо, представляя себе, что это именно тот гранит науки, который предстоит ему глотать еще долгих четыре года. Во все стороны полетели стружки, отбрасываемые сверкающими молярами жаждущего добраться до эфедрина. Мгновение, еще одно, и еще, примерно, два с половиной, и

резиновая крышечка, под которой плещется трехпроцентный эфедрин гидрохлорид, свободна.

– Ничего... – Восхищенно произносит Клочкед и снимает с носа прилипшую стружку. – Теперь следующая стадия. Отмеривание уксуса.

На банку надо ровно куб девятипроцентного, или одну каплю эссенции. Можно и без него, но с ним раствор получается мягче.

Давайте баян. – Говорит Клочкед усталым голосом.

Ему вручают коробку с новехонькой пятикубовой баяной-ширяной. Все части шприца, завернутые в хрустящие бумажки, вываливаются на стол и разворачиваются. Они лежат, посверкивая стеклом и хромом, а Клочкед задумчиво сминает из упаковочных листочков плотный шарик. Наконец решение принято.

– Смотрите внимательно, – Возвещает он, – Сборка баяна с закрытыми глазами!

Смежив веки и оставив в них щелочку для подглядывания, Клочкед протирает руки, и начинается лихорадочная деятельность. Хромированные детальки прикручиваются одна к другой, прикрепляются к стеклянному корпусу машины...

Шприц готов!

Бурные аплодисменты.

– На. – Баян вручается Шантору Червицу. – Насаживай выборку и выбирай усусь.

Когда требуемое исполнено и агрегат наполнен вонючей жидкостью под завязку, Клочкед отбирает его и, встав в эпически-патетическую позу, провозглашает:

– Только сегодня! Только сейчас! Сеанс синхронного массового обучения варению мультки! В завершении представления – убоготворение всех присутствующих! Ширяющихся другими торчами – просьба покинуть помещение!

Надеюсь, таких нет?

– Нет, нет! – Истошно мотают головами Чевейд Снатайко и Шантор Червиц. Дождавшись, когда они утихомятятся, Клочкед, улыбаясь, таинственно произносит:

– Это и будет ваш экзамен...

Ну, ребята, начинайте... – Эту фразу Клочкед старался произнести, повторяя интонации Смерти из бессмертной оперы «Пизда со смертью Мурьетты Шагинян», но Шантор Червиц и Чевейд Снатайко, не слышавшие ее, не въезжают в смысл и действительно начинают.

Стремясь обогнать товарища, они, вырывая друг у друга баян, стараются залить его содержимое в эфедрин.

– Ну что вы, словно дети! – Не выдерживает артистическая натура Клочкеда. – Если я сказал синхронно, это не значит наперегонки!

Темп засыпания ингредиентов снижается, он остается достаточно высоким.

– Еще медленнее! – Приказывает Клочкед, и поясняет, – Мультку надо бодряжить тихо, не торопясь, без суеты и оголтения. Это же наркотик, а в наркотике, кроме формулы, действует и энергетика. Как ты сваришь, так и подействует. Какое у тебя настроение, когда бодряжишь, так и тянуть будет.

На хуя тебе ломовой приход и таска на пол часа? Тут не надо хуем угли ворошить, надо нежно. Мультка, она ласку любит. Будешь с ней ласковым, – Вещал Клочкед, наблюдая за тем, как студенты трясут пузырьки, – И она с тобой по-хорошему. Будешь гнать, суетиться, и она такой же будет.

Запомните, главное, это то, что ты в нее вложишь. А вкладывать надо начинать еще до того как пузырь вскрыешь. Погладь его, поговори с ним, скажи: «Здравствуй, эфедрина гидрохлорид. Как поживаешь? Как самочувствие? Не будешь ли ты против, чтобы я с легонца тебя окислил?»

А начиная бодряжный процесс, вы должны уже быть в том настроении, которое хотите поймать от вмазки. Ну, конечно, не совсем в том, а так, в первом приближении. Работать,

там, – Продолжал заливаться Клочкед, не забывая наблюдать за трясущими Чевеидом Снатайко и Шантором Червицем, – Или просто оттянуться по кайфу, чтоб попиздить от души, или порисовать...

И когда болтаешь, пузырь лучше всего держать не пальцами, а всей пятерней, чтоб мулька грелась, чтоб проникалась твоим теплом, пронизывалась твоей энергетикой, настраивалась на тебя, мудилу; чего трясти бросил, у тебя там, отсюда вижу, еще все фиолетовое; тогда и кайф полнее, и приход смурнее.

Когда все правильно сделано, бодяга сама оседает. Расслаивается все на три уровня. Сверху пузыри, снизу бутор коричневый, а промеж ними – чистяк. Даже петуха не надо.

Так что главное – настрой.

Если настроился, то кайф начинаешь ловить еще до вмазки. Минут за десять. Мулька странная штука. Наверное, в ее формулу входит тахионная составляющая. Слыхали про такое?

Тахионы – это частицы, которые идут из будущего в прошлое. Скажем, задумал ты взорвать тахионную бомбу. А она уже ебнула, но один хуй, тебе надо потом фитиль запалить. Так и мулька. Если кайф от нее просек, обязательно надо вмазаться, а то полетит к ебням вся причинно-следственная структура Вселенной.

Врубаетесь? От нас зависит жизнь целой Вселенной!

Ну, хватит.

Шантор Червиц и Чевеид Снатайко, берущие на себя ответственность за существование нашего мира, прекратили трясти пузырьки. Пока что они, не испытав действие настоящей мульки под собственной шкурой, не въезжали в гонки Клочкеда. Но его наметанный взгляд уже улавливал изменения, происшедшие в этих ребятах. У Шантора Червица и Чевеида Снатайко яростно блестели глаза, изо ртов стекали длинные нити слюны, их ноздри расширились и из них вырывалось невидимое пламя.

Но сами они этого не замечали и рассматривали на просвет получившуюся у них жидкость.

– Пальцы с пробок не убирать! – Посоветовал Клочкед.

– Во, расслаивается! – Восторгнулся Шантор Червиц, наблюдая за своим пузырьком.

– И у меня! – Захихикал Чевеид Снатайко.

– Следующая стадия – вскрытие. Тихо! – Рывкнул Клочкед, увидав, что Чевеид Снатайко готов отпустить палец, придерживающий резиновую крышечку, и сколупнуть ее.

– Запомните, в процессе бодяжения мульки выделяется некоторое количество углекислого газа. Его давление может запросто выбить крышку. На хуя это надо? Правильно, ни за хуй!

Поэтому открываем осторожно, от себя. Брызги бодяги въедаются в ткань и дают что? Лишние страмаки.

Поехали.

По воздуху, с легкими чпоками, пронеслись две струйки мелких коричневых брызг.

– Ну, – Потирал руки Клочкед, – Теперь дегустация...

Шантор Червиц и Чевеид Снатайко обрадовано заерзали на своих стульях, собирая из деталей еще пару шприцов.

– Дегустировать буду я. – Сказал Клочкед и оскалился в недоуменные грызла Чевеида Снатайко и Шантора Червица. – Вату.

Сполоснув баян от уксуса, Клочкед нацепил на него толстую иглу и одним профессиональным, годами оттачиваемым движением накрутил на нее ватный тампон.

– Петуха мотать я вам пока не доверю. – Клочкед пристально оглядел Чевеида Снатайко и Шантора Червица, и опустил петуха в мульку последнего. – Сейчас узнаю, что там у тебя вышло...

Шприц стал быстро наполняться чуть зеленоватой жидкостью. Когда набрались положенные пять миллилитров, Клочкед быстро сменил иглу с петухом на более тонкую, и задрал рукав. Рука напряглась, выступили вены, и игла с размаху была всажена в одну из них.

Чевеид Снатойко и Шантор Червиц не успели ничего сказать, предпринять и сделать, а Клочкед вгонял в себя уже последний куб.

Вытащив шприц из вены, он некоторое время посидел с закрытыми глазами, причмокивая, словно смакуя экзотический напиток. Шантор Червиц, не отрывая взора от лица Клочкеда, пытался вычислить, что же происходит у него внутри. Как ему мулька? По кайфу или нет?

Внезапно Клочкед открыл один глаз и глаз этот вперился в переносицу Шантора Червица.

– Что ж вы пиздили-то? – Млеющим голосом простонал Клочкед, – Нормальная мулька... Хотя...

Встрепенувшись, он схватил шприц, надел на него струну с петухом и погрузил ее во второй пузырек. Поступающая в баллончик мулька Чевеида Снатойко окрашивалась розовым от клочкедовской крови и было невозможно узнать, какой у нее натуральный цвет.

Вторые пять кубов исчезли так же бесследно, как и первые. Веняк Клочкеда проглотил их, оставив на память лишь пару капель крови.

Шантор Червиц и Чевеид Снатойко недоуменно переглядывались, не решаясь заговорить даже шепотом, чтоб не потревожить ловащего второй приход Клочкеда. Десять кубов за раз, пусть и в две порции, это было выше их разума.

– Ширяться этим можно. – Хрипло выдавил из себя Клочкед, – Только я в одно не врублюсь, варите вы нормально, на кой хуй надо было представление разыгрывать?

– Ну, нам проверить хотелось... – Говорил Чевеид Снатойко, наполняя шприц своей мулкой.

– Мы ж не знали, все ли мы правильно делаем... – Говорил Шантор Червиц, наполняя шприц своей мулкой.

– А теперь мы уверены... – Говорил Чевеид Снатойко заголяя руку.

– Да и познакомиться хотелось... – Говорил Шантор Червиц, водя иглой в поисках вены Чевеида Снатойко.

– Что у нас все нормально... – Говорил Чевеид Снатойко, наблюдая за поисками Шантора Червица.

– Одним-то скучно... – Говорил Шантор Червиц, вгоняя в кровь Чевеида Снатойко первый куб мульки.

– А то уже два месяца... Прихо-од! – Возопил Чевеид Снатойко, после введения последнего куба мульки.

Клочкед, посмеиваясь про себя, слушал их оправдания. Семарь-Здрахарь еще несколько дней назад сообщил ему, что его персону разыскивают два пионера. Семарь-Здрахарь запудрил им мозги, заявив, что лучший метод знакомства попросить научить бодяжить. Семарь-Здрахарь проширял с Клочкедом за успех операции банку трехпроцентного, и все остались довольны.

ПЕРЕДОЗ.

С утраца, для поднятия настроения, Семарь-Здрахарь ширнулся, и пошел на работу. Где он вкалывал на Советскую власть, и какую должность занимал, для нашего повествования не имеет значения. Важно лишь то, что у него в кармане был пузырь винта, а после работы Семарь-Здрахарь намеревался пойти по теркам. Имеет значение еще и количество винта. Ибо наливал его Семарь-Здрахарь уже будучи вмазанным и по заширке забыл, что не разбодяжил отщелоченый винт.

Съебавшись пораньше, наш герой прямым ходом двинул в драгу. Она заслуживает отдельного описания.

Это был двухэтажный домик из красного кирпича. На втором этаже раньше помещались ремонт обуви и прачечная, а на первом была каличная. Семарь-Здрахарь не раз затачивался там джефом, а позже и салютом. Это была одна из московских достопримечательностей: мазовая драга. В ней никогда не дибил, и Семарь-Здрахарь держал ее на крайняк. Когда нигде больше вырубить не удавалось, он чапал сюда и получал свои две банки.

Теперь же все накрылось пиздой. Драгу закрыли и раздербанили. Дом готовился к сносу.

Вчера Семарь-Здрахарь забрел сюда. Он ностальгически побродил по битым стеклам. Нашел какие-то беспонтовые калики, и пачек сорок просроченного димедрола. Но под одним из фанерных листов его ждало открытие: две коробки ташкентского стекольного джефа!

Но самое главное ждало в подвале. Там гигантскими стопами громоздились терки! Все они были с таксировкой, но свести надпись, хотя и было достаточно геморройным делом, с номерными бумагами себя оправдывало.

В соседнем помещении валялись пузырьки, банки темного стекла с притертыми крышками, еще до хуя всякой полезной для широкого поебени.

И Семарь-Здрахарь решил наведаться сюда еще разок, прошмонать все как следует. Для этого он захватил самую большую из имевшихся у него сумок и пару целкофановых пакетов с ручками.

Шмон торгового зала почти ничего, кроме нескольких пластов релашки, карпика и седуксена, не дал. Семарь-Здрахарь, спугнув по дороге ссущего мужика, пошел в подвал.

Ветерок из разбитых окон продувал недлинный коридор. В нем было темновато, но в комнатах с обеих его сторон света было достаточно.

Зайдя в помещение со стопами терок, Семарь-Здрахарь прикинул фронт работ. Рыться здесь можно было несколько часов. Он уже решил, что конкретно он будет брать: только терки, написанные чернилами, они легче поддаются мытью, и те, что с самыми экзотическими верхними колотухами.

Семарь-Здрахарь присел на одну из кип. Действие утренней ширки почти кончилось, подступала легкая абстяга. Решив, что втюхавшись, на заморочке, он сделает все быстрее, Семарь-Здрахарь достал винт.

Выбралось три квадрата. Семарь-Здрахарь задумался.

Трешка. А его дозняк полтора куба. Значит, последовал логический вывод, он сделал себе полторашку и разбодяжил ее вдвое. Пора ширяться.

Перетянув руку, Семарь-Здрахарь нащупал канат, взял контроль, и с ветерком прошмыгал все три куба.

На последних децилах он понял, что чего-то не так. Его странно повело, но наркоман добил оставшееся в машине и выдернул агрегат из руки.

Сначала бешено заколотилось сердце. Его удары эхом отражались в ушах и Семарь-Здрахарь начал задыхаться.

С усилием заставляя себя делать вдохи и выдохи, он увидел, что все вокруг странно изменилось. Все поле зрения заполнили мелкие треугольники. Они радужно переливались, почти полностью заслоняя все окружающее.

Чувства резко обострились. Семарь-Здрахарь услышал чьи-то шаги, обстремался, что его заметут с баяном, полным контроля, до сих пор зажатым в его пальцах, но потом понял, что шаги раздаются с улицы.

Послышалось неразборчивое бормотание. Семарь-Здрахарь не мог определить, что это, глюк, или действительно кто-то поблизости разговаривает.

Замерев, он настороженно вслушивался. Треугольнички поблекли, но пока оставались, искажая очертания и краски окружающих стен.

«Передоз.» – Понял Семарь-Здрахарь. – «Как бы не кинуться невзначай...»

Звук приковал его внимание. Он был беспомощен, не мог пошевелиться, и это было чертовски страшно. Пластик баяна нагрелся от тепла его руки, но выпустить его не было возможности. Все было напряжено и возбуждено. Звук повторился. Это кто-то приближался по коридору.

Семарь-Здрахарь застыл. Страх, что его засекут в таком положении, парализовал все мышцы.

Шаги приблизились. Что-то загремело, очевидно, идущий в потемках обо что-то споткнулся. Послышался неразборчивый возглас, и шаги стали удаляться.

«Пронесло.» – Вытер пот со лба Семарь-Здрахарь и обнаружил, что может двигаться. Но когда он попытался разжать, наконец, пальцы и, хотя бы, выронить шприц, он понял, что тело его опять не слушается.

Продолжая насильственно дышать, он прислушался к внезапной тишине. Сердца слышно не было. Он потрогал себе пульс. Не слышно. Артерия на горле тоже не пульсировала как обычно. Он приложил руку к груди.

Ни звука.

«Остановилось... – Это слово, словно само по себе прозвучало в голове Семаря-Здрахаря. За ним появилось второе:

– Глупо...»

Тело моментально покрылось холодным водянистым потом.

«Я не хочу умирать!!! – Мысленно возопил Семарь-Здрахарь. – Сердце, бейся! Стучи, родное! Давай, давай, давай!!!»

В полнейшей панике, не понимая, что делает, Семарь-Здрахарь стал с силой давить себе на грудь. Ему казалось, что так он сможет сделать сам себе искусственное дыхание и заставить сердце заработать снова.

И оно пошло. Сначала Семарь-Здрахарь почувствовал, что сердце сначала колыхнулось, потом ударило активнее, и забилося, давая возможность своему хозяину прослушивать пульс и жить дальше.

Эйфория подступила к горлу Семаря-Здрахаря. Слезы покатались по его щекам, наркоман был искренне счастлив. Осознав, какое это счастье, одна лишь возможность жить.

Семарь-Здрахарь сидел на куче использованных терок, плакал и улыбался, как идиот, все еще сжимая в ладони скользкий от пота баян.

Можно было бы прервать рассказ на этом эпизоде, но тогда бы создалось неверное представление о личности Семаря-Здрахаря. Можно было бы подумать, что чудом оставшись в живых, но как-то оценит этот факт. Но нет... На самом деле все было по-другому.

Вскоре приступ счастья начал затихать. Семарь-Здрахарь вытер слезы и сопли. Вытер сознательно и порадовался, что он теперь и все еще может что-то делать.

Кожа на лице ощущалась им, как воздушный шарик, который сперва надули до отказа, а потом спустили. Низ живота распирало от избытка мочи, а больше никаких дискомфорта не было. Разве что повышенное чувство стремности.

Семарь-Здрахарь встал. От долгого пребывания в одной позе, ноги затекли и теперь их кололи тысячи баянов со струнами. Он покачнулся и едва не грохнулся на терочные завалы. Второй шаг пришлось делать уже держась рукой за стену.

Выбравшись в темноту коридора, Семарь-Здрахарь долго ссал туда, покачиваясь то ли от внезапно накатившей усталости, то ли от нестойкости подгибающихся ног.

Совершая обратное путешествие, он запнулся и грохнулся на бумажные развалы. Подниматься не было сил, да и желания. Семарь-Здрахарь вытянул вперед руки, подтащил к себе перевязанную шпагатом стопу рецептов и стащил веревку. Верхняя терка при этом порвалась, но наркоман плюнул на это и начал разбирать оставшиеся.

В этой пачке все бумаги оказались на кодтерпин. Семарь-Здрахарь несколько секунд разглядывал каждый, оценивая его мазовость, и, или отшвыривал в сторону, или оставлял перед собой.

Из нескольких сотен бланков, заслуживающих внимания терок оказалось штук десять.

Перевернувшись, Семарь-Здрахарь сел и подцепил следующую пачку.

Стемнело. Семарь-Здрахарь сидел, обложенный рецептами и перебирал их с максимальной возможной скоростью. Его сумка уже наполовину была забита. Когда потемнело так, что разбирать надписи на рецептах стало невозможным, он встал. Несколько раз прошелся по помещению, разминаясь. Покурил.

Вскоре он вышел из разрушенной аптеки, с трудом переставляя ноги, волоча за собой тяжеленную сумищу, и радуясь, что надыбанных терок ему хватит на несколько месяцев непрерывного зашира.

ВЫЕЗДНОЙ ДЖЕФ-СЕЙШЕН.

«А я видел, как ширяются эллипсы,
А я видел, как ширяются квадраты,
Как ширяют кубики конусы,
Как хуево ширяться без хаты,
Ну, как же хуево ширяться без хаты...»

– Напевал Блим Кололей, держа на коленях стрем-пакет, сидя при этом в автобусе, который направлялся в район, который Блим Кололей избрал для очередного выездного джеф-сейшена.

В принципе, по причине стремности хаты, многие шировые избирают для ублагоустройства полевую форму работы. Но варить шнягу в лесу и мульку в парадняке – это совершенно разные вещи. Для первого нарк должен заблаговременно снарядиться всеми компонентами, а для полевого джеф-сейшена все что надо можно нааскать или купить на месте. Кроме, разумеется, набора шариковых ручек разных оттенков, которыми пишутся терки.

Но выездному джеф-сейшену предшествует и другая предварительная работа. На полу расстилается карта Москвы и на ней, в выбранном районе, отмечаются кружочками и крестиками все драги и полукаличные, по справочнику. После этого выбирается оптимальный маршрут, и торчок готов в путь.

Так и у Блима Кололея в стрем-пакете лежала такая карта. Но она бывала нужна только для первой или второй тусовки. В следующие разы местность запоминалась, и пособия по прохождению маршрута Великого Джефого Пути были уже излишними.

Кроме карты, стрем-пакет содержал полный комплект джефого торчка. Блиму Кололею было легче таскать с собой лишние полколо, чем постоянно аскать по параднякам усусь, бесконечно отвечая на идиотские вопросы жильцов.

– Два наркота в черных куртках, в галифе и с сапогами
Шли на место преступления в город Кунцево далекий...
Где чекисты да бендерцы, всяки люберцы да негры
Утащили бочку джефа из аптеки Моссовета.
Да слегка переборщили, наколовшись мульки сраной,
Увидали они глюку, что повяжут всех их вместе.
Глюки с мульки – это вкусно!
Глюки с мульки – это классно!
Заходите, глюки с мульки!
А наркоты подоспели прям в разгар прихода глюков,
И давай ширяться джефом, не бодяжа марцифали!
А чекисты да бендерцы, всяки люберцы да негры
Побросали все баяны и бодяжные машины.
И уебывать помчались в направленьи ФЭЭрГЭ, бля,
Позабыв про бочку джефа, канули в века навечно!

– Пел про себя Блим Кололей, лишь слегка переиначивая слова знакомой песни. У него было приподнятое настроение, ибо автобусная остановка была рядом с полукаличной, а на ее помоечке нашлись терки, одну из которых Блим Кололей заполнил и теперь шел вырубать джеф.

Район действительно оказался классным. В первой же драге Блима Кололея отоварили. Правда один из пузырей оказался «негро вигро», темного стекла, и полезной жидкости в нем явно было меньше, чем положенные десять кубов.

Выбрав подходящую домину, Блим Кололей поднялся на лифте к последнему этажу, вышел на черную лестницу и расположился на ступеньках. Бодяжить.

– Мне себя ужасно жаль,
Я подсел на марцифаль.
И теперь брожу один,
Вырубая эфедрин!
Эфедрин, эритро эфедрин,
Эритро эфедрин, любимый изомер... —

Чуть ли не в голос распевал Блим Кололей, бодяжа жидкость в темном пузырьке. Но когда он это ширнул, он не почувствовал обычного действия. Прихода не было, зато на языке появился четкий вкус корвалола. И Блим Кололей понял, что его наебали. Но остался второй фуфурь. Он немедленно пошел в дело.

Приход от этого пузырька превзошел все ожидания. Блим Кололей, как был, с задраным рукавом и баяном в другой руке улегся на ступеньках, смежив веки.

Вдруг послышались чьи-то шаги. Двое поднимались по лестнице к пролету, на котором приходовался Блим Кололей. Поняв, что он все равно не успеет собрать стрем-пакет, и собственного постремания не избежать, Блим Кололей решил не реагировать, и наслаждаться таской пока это возможно.

Но, странное дело, эти двое прошли мимо. Они аккуратно перешагнули через разложенные на носовом платке баяны и прочую аппаратуру и пошли дальше. Заскрипела железная дверь, и вновь послышались приглушенные, что-то обсуждающие голоса.

Блим Кололей расслабился. Если не постремали сразу, значит, не постремают вообще. Он открыл глаза, сел и закурил.

Вскоре опять скрипнула дверь. На верхней площадке появились двое. Мужик в ватнике и тетка.

– А, – Радостно осклабился мужик, – Очухался?

Блим Кололей кивнул.

– Колешься? – Спросила тетка.

Прокашлявшись, Блим Кололей хрипло сказал:

– Ага...

Мужик и тетка стали спускаться, при этом мужик лыбился и подмигивал:

– А мы-то идем лифт чинить и тебя видим. Лежишь и не дышишь. Думали ментов вызывать надо. Помер наркоман. Ан нет. Живой!

Чем это ты колешься-то?

– А вот. – Показал Блим Кололей фуфурь из-под джефа. – Лекарство такое.

– Ишь ты!.. – Покачал головой мужик. – Не, по мне лучше это...

Он распахнул ватник и показал торчащую из штанов бомбу «Кавказа».

– А мне мое лучше... – Возразил Блим Кололей.

– Ну, как знаешь... – Хмыкнул мужик и скрылся из поля зрения Блима Кололея.

Встав, Блим Кололей прошелся, разминая ноги. Стены были здесь покрыты разными надписями, типа «Вася – мудака», «Ебу целок» с номером телефона, «Спартак – чемпион». Но внимание Блима Кололея привлек странный убористый текст. Приноровившись к чужому почерку, он прочитал:

«Нас было четверо друзей. Мы очень хотели поебать девушку, но у нас никак это не получалось. И тогда мы стали тренироваться друг на друге. Сперва мы целовались в губы, а потом стали сосать друг у друга хуи. И однажды мы решили, а зачем нам девушка? И стали ебать друг друга в попы. И всем нам теперь очень хорошо. Делайте как мы, и вы будете счастливы.»

Посмеявшись немного, Блим Кололей начертал чуть ниже:

«Нас было четверо друзей. Мы были очень несчастны. И однажды мы узнали, что такое мультка. Мы стали ею ширяться и стали счастливы. Все ширяйтесь мульткой!»

Дописав последнюю фразу-лозунг, Блим Кололей спустился к остаткам мультки и вмазался последними пятью кубами. Наскоро приходнувшись, он спустился вниз.

Выходя из парадняка, тут же, на скамеечке, он увидел знакомую пару лифтеров. Между ними стояла вскрытая бомба, а в руках у них были стаканы, полные темной жидкости. Блим Кололей зачем-то помахал им на прощание, а они помахали ему вслед.

И Блим Кололей направился к следующей полукаличной. Выездной джеф-сейшен продолжался.

ЗАМОРОЧКА – 7. ЛОБКОВЫЕ БЛОХИ И ГОЛОВНЫЕ ВШИ.

Ты ебешь Женьку Полный Крышесъезддд уже третью или четвертую неделю. Пока ты бегаешь за салютом, она путанит, принося в дом баксы и хавчик. Пока ты варишь винта, она, на пару с тобой, в одной узкой кухне, превращенной в винтоварню, готовит всякие вкусности. Затем ты хаваешь и ширяешь ее.

А она ширяет тебя.

А потом, весь остаток ночи, ибо приезжает она часам к трем, ты ее ебешь. Пизда Женьки Полный Крышесъезддд на удивление узка, никакой разьебанности. Хуй входит в нее плотно, как пробка в бутылку, нет, как поршень в шприц, без малейшего зазора. И ты ебешь ее, ебешь, ебешь...

До полного нестояния ни на что.

Тогда начинаются заморочки.

Ты уже внушал ей мысли на расстоянии. Ты уже подчинял ее своей воле. Ты уже путешествовал с ней по астральным мирам. Ты уже делал с ней такое, что не приснится и самому вычурному фантасту. И все это в натуре. Ну, разве что, с легкой примесью безобидных глюков.

Но сегодня, после чумовой ебли, у тебя зачесалась голова. Конечно, это могло произойти и по причине ее трехдневной немывости, но такой почесон был тебе уже знаком.

Порывшись в гигиенических принадлежностях, ты откопал самую мелкую расческу, и причесался, после каждого прохода пристально рассматривая пространство между зубьями. И вот, ты нашел. Это создание, запутавшись в выпавших волосах, вяло шевелило шестью лапками.

Ты показал это Женьке Полный Крышесъезддд и объяснил, что этого зверя зовут головная вошь, а в хипповском простонародье – «мустанг». И ежели она появилась, то, по причине длинных волос у вас обоих, заражены ею вы оба. И сейчас нет мазы разбирать интересный вопрос, кто же подцепил их первыми, а надо провести быструю и решительную борьбу.

И ты потребовал, чтобы Женька Полный Крышесъезддд дала тебе свою голову для обследования. По своему опыту зная, что мустанги селятся большей частью за ушами, ты начал именно с этих районов.

Методично перебирая пряди волос Женьки Полный Крышесъезддд, ты нашел одного прицепившегося к коже вша, потом второго, третьего. Сперва ты извлекал животное и показывал его хозяйке, чтобы она убедилась в реальности их существования на ее голове. На первых экземплярах ты показал, как их надо сдавливать между ногтями, чтобы они издали свой последний звук «щелк!».

Вскоре обнаружили и гниды. Здесь пришлось пожертвовать несколькими волосками, опять-таки для наглядной демонстрации, что такое гнида, где она крепится к волосу, какого она цвета и как ее щелкают.

После этого перед тобой раскрылось обширное поле деятельности. Проведя первичный ликбез, ты стал выискивать мустангов, а Женька Полный Крышесъезддд начала считать их по количеству щелков, которым сопровождалась каждая смерть членистоногого паразита.

Ты прошелся от виска к виску через затылок. Потом от затылка дошел до макушки, а от макушки ко лбу. Второй заход, боле тщательный, ты стал делать в обратном направлении, уничтожая все живое, попадающееся на твоём пути.

Крупных, взрослых мустангов уже почти не попадалось, зато обнаруживалось гигантское количество гнид, практически у корня каждого волоса и ты с упоением их давил, добавляя цифры в статистике Женьки Полный Крышесъезддд.

В третий раз перебирая волосы, ты стал находить и мелких вошек, которые уже замимикрировались под цвет волос и найти их с первого захода было довольно сложно. Но они пока еще были прозраченькие и их выдавали желудки, наполненные красной свежей, или темной переварившейся кровью.

После пятого прохода, который ты делал уже в качестве дополнительной подстраховки, Женька Полный Крышесъезддд взмолилась о прекращении этой пытки. Ведь некоторых мустангов тебе приходилось давить непосредственно на коже и последняя зачастую прищемлялась твоими ногтями, что не добавляло кайфовости этой процедуре.

Теперь настала твоя очередь. Ловцом вшей Женька Полный Крышесъезддд была поначалу хуевым, но она быстро училась. В скором времени мустанги перестали от нее убегать, и она периодически сколупывала с ногтей их пустые шкурки.

Слушая звуки истребления головной фауны, ты не считал их, ты просто тащился. И, часа через два, когда твоя кожа уже зудела, но не от укусов, а от бессчетного количества защитопов, Женька Полный Крышесъезддд закончила экзекуцию. Правда, она порывалась повторить ее еще несколько раз, но ты уже устал от безделья.

Ты прикинул, что если мустанги появились на голове, с таким же успехом они могут переползти и на лобковый хайер. И, уложив Женьку Полный Крышесъезддд, ты раздвинул ей ноги и уткнулся носом в ее пизду.

Обследование тамошней растительности оказалось безрезультатным пока ты, напрягая зрение, не обнаружил каких-то мелких черненьких тварей. Но, странное дело, они не давались в руки, и ты понял, что это блохи.

Гнусные насекомые прыгали по лобку, заскакивали на твои пальцы, но раздавить тебе удавалось лишь единицы, в то время когда сотни скакали вокруг.

Разъярившись, ты удвоил усилия. Женька Полный Крышесъезддд, лобковая кожа которой перекручивалась, щипалась и выдиралась вместе с волосами, лишь кряхтела, стараясь не показать, как ей больно.

Наконец, ты вспомнил, что блохи тонут в воде, и ты отправил Женьку Полный Крышесъезддд отмокать в ванну. Сам же, обратив внимание на свой лобок, больше не мог от него оторваться. Там скакали те же блохи. Поскольку ванна была временно занята, ты решил бороться со зверьем дедовским способом, который ты уже успел поприменять – физическое раздавливание.

Но и на нем блохи ускользали. На какие-то мгновения они присасывались к коже. Но когда к их бокам приближались твои ногти, они совершали пируэт и оказывались вне пределов досягаемости.

Множество раз тебе казалось, что ты расщелкнул одну из надоедливых тварей, но всякий раз это оказывалось корнем твоего собственного волоса. И, когда из ванны появилась вымытая и блещущая чистотой Женька Полный Крышесъезддд, ты разодрал себе кожу уже до крови.

Последовали несколько минут борьбы, когда Женька Полный Крышесъезддд пыталась тебя остановить, а ты игнорировал ее попытки отвлечь твоё внимание на что-нибудь более созидательное. Но женщина победила, и ты попытался снова ее поебать. Однако не вышло.

В процессе уничтожения блошек, ты разворотил собственный лобок так крепко, что любое прикосновение к нему вызывало приступ такой острой некайфовости, что ни о какой ебле и речи идти не могло.

Днем до тебя дошло, что большая часть гнид и все до одной лобковые блохи были твоими глюками, но осознание этого не ускорило заживление твоего лобка, из-за которого ты вынужден был целых два дня сохранять целомудрие и не заниматься еблей.

КРАСНЫЙ ДЖЕФ.

За окном была осень, настроение было хуевым и хотелось вмазаться. Хотя, скорее, наоборот: сперва хотелось вмазаться, а уж потом про настроение. И все это потому, что вмазаться было нечем.

Вот и сидели на кухне Семарь-Здрахарь и Клочкед и понуро глядели на дождь. Почему понуро? Да потому что в дождь выходить их ломало, да и противная вода с неба замочила все помойки и, вместе с ними, терки, которые там могли находиться.

Перед торчками находилась стопа рецептов. Их они только что просмотрели на предмет заполнения, но не обнаружили ничего подходящего для сувания в драгу.

– Джеф ширяйте внутривенно,

Двухроцентно, трехпроцентно... – Выдал вдруг Семарь-Здрахарь один из своих стишков.

– Да не трави ты душу! – Вяло огрызнулся Клочкед. – Давай лучше прикинем, что делать будем.

– Чего, чего... – Хмыкнул Семарь-Здрахарь и зевнул. – Ширяться.

– А чем? Джефа-то мы не вырубим.

– Да хоть вторяками...

Эта идея согрела клочкедовское сердце, вены и торчило:

– Давай!

Семарь-Здрахарь нагнулся и вытащил из-под стола картонную коробку, в которой перекатывалось пузырьков тридцать. Каждый с бодягой и петухом.

Отобрав себе половину, Семарь-Здрахарь вторую отодвинул к Клочкеду. И началась лихорадочная деятельность.

В пузырь с бодягой заливалась вода. Пузырь взбалтывался, и жидкость выбиралась через петуха. Самым сложным было отжимание старых метелок, которыми выбирали первак, а потом оставляли в пузырьке вместе с бодягой.

После часа напряженного труда все пальцы торчезозников были в коричневой окиси марганца, зато у каждого были желанные пять кубов вторяков.

Первым ширнулся Семарь-Здрахарь. После вмазки он почмокал губами и соорил недовольную мину:

– Не цепляет. Только децил приятственности.

Клочкеду в этот раз повезло меньше. Ширнувшись своими вторяками, он почувствовал дурноту. Несколько минут он сидел выпучив глаза и глотал воздух. Семарь-Здрахарь бегал кругами и спрашивал:

– Чего делать-то? Тебе не лучше?

Минут через десяток Клочкед отошел и порозовел.

– Не вторяки у тебя, а отравка! – Сказал Клочкед без надежды пристыдить Семарь-Здрахаря. Семарь-Здрахарь не пристыдился, но ответил:

– Кто ж знал-то?

– Ладно, – Махнул рукой Клочкед. – Давай еще подумаем. Где аптечка.

Перерыв все колеса и пузырьки, торчки нашли странные таблетки. На них красным по белому было написано «Геофедрин».

– Смотри-ка какие! – Радостно засмеялся их первооткрыватель, которым оказался Клочкед. – Вот состав. В нем эфедрин есть! И много!

Впрочем, при детальном разглядывании, выяснилось, что эфедрин в одной пачке ровно столько, сколько в пузырьке детского джефа.

– Забодяжим?!

– Забодяжим!

Они залили таблетки из двух упаковок водой, размешали. Получилась белая каша.

– Через бодряжную машину! – Догадался Семарь-Здрахарь.

В двадцатикубовую машину забили петуха и вылили в нее белую взвесь. Придавили поршнем. Из каши вытекла вся жидкость, но раствор получился не прозрачным, а сильно мутным, почти белесым.

– Как думаешь, можно такое бодрить? – Разочарованно смотрел на получившуюся жидкость Клочкед.

– А чего там! Давай! Авось насмерть не кинемся! Там же отравы никакой нет...

Бодрение мутной взвеси прошло на удивление быстро. Марганцовка тут же осела коричневыми хлопьями и показалась мутью. Она была непривычного красного цвета.

Набрав в баян пять кубов, Клочкед недоверчиво посмотрел жидкость на просвет:

– Чего-то стремно мне таким мазаться... Ну, да хуй с ним!

И Клочкед вогнал струну в веняк.

Как ни странно, приход был. Клочкеда сильно ударило в голову. Бешено заколотилось сердце, стало трудно дышать. Во рту появился не привычный горьковатый мулечный привкус, а какая-то вонь от жженой резины.

Но смесь действовала.

– Ух! – Выдохнул Клочкед. – Круто!

– Правда?! – Просиял Семарь-Здрахарь и немедленно вмазался.

Пока Семарь-Здрахарь проходил через первичные стадии действия красного джефа, вид у него был осоловелый, но потом, когда некайфы прошли, его лицо осветилось блаженной улыбкой:

– Поебень, конечно, но на крайняк пользоваться можно...

Таска кончилась минут за пятнадцать, кончился и дождь за окном. И Семарь-Здрахарь с Клочкедом пошли по терки.

Странное дело, никогда больше ни тот, ни другой не бодрил тефу. Может крайняков таких не было? Или джеф из тефы не в кайф пошел? Кто их знает?..

БАЯН С МЕТЛОЙ.

Закономерные случайности определяют жизнь потребителей наркотиков. К примеру, идет наркоман по улице и видит какое-то здание. Он думает, а почему бы не порыться в его помоечке? И роется. А там вдруг, тоже совершенно случайно, находятся терки. Наркоман прикидывает, что с ними сделать? Терки, наверное, классно горят... Или жопу ими подтирать? Но нет, что-то отвлекает его внимание и он, не думая, сует их в карман. Потом с удивлением обнаруживает, долго соображает, что же это такое и что с ним делать? И решает, а почему бы, собственно, не заполнить их? А как? А на что? Можно, на самом деле, написать на них *Solutio Morphini hydrochloridi 10%, 1,0; N. 500 in ampulus*. Так ведь не дадут, в лучшем случае, а в худшем – в ментовку потащат. А чего делать наркоману в ментовке? Да нечего ему там делать! Вот он и пишет что-нибудь не такое стремное. Эфедрин, к примеру. И идет он с этой теркой по городу и попадает на его пути драга. Может зайти? От чего ж не зайти? Можно, ради прикола, в очереди постоять, терку аптекарше сунуть, посмотреть, что это она с ней делать будет. А аптекарша вдруг берет и что-то на ней пишет. Наркоману любопытно, зачем тетя терку портит, а она говорит, что это ему расскажут в кассе. А в кассе терку берут и деньги требуют. Небольшие, конечно деньги, копейки какие-то, но коли заплатил, надо и получить. И вот становится наркоман обладателем пары странных пузырьков. Что с ними делать? Может выкинуть? Да нет, жалко как-то. Вот он и приносит их домой. А дома чего с ними делать? Можно химический эксперимент произвести. Насыпать в них чего-нибудь, и посмотреть, чего получится? Но никаких химикатов, кроме марганцовки как-то не находится, вот и засыпает наркоман ее в эти пузырьки. А там сразу реакция идет. Все пузырится, коричневеет. Ну, думает наркоман, хуйня какая-то получилась. Впрочем, может отфильтровать ее, так, на всякий случай? А почему ж не отфильтровать? Отфильтруем. И берет он большой такой шприц и заталкивает в него клочок ваты. А потом заливает в него то коричневое, что получилось. И поршнем прижимает. А из шприца жидкость прозрачная капает. А как она вся прокапает, наркоман опять перед выбором, что делать? Можно, конечно, жидкость эту в унитаз спустить, но ведь сколько на нее труда потрачено! Может ее в вену задвинуть? А чего, наркоманы – народ рискованный. И вот берет наркоман шприц поменьше, заполняет его странной жидкостью, и по вене! Странно, конечно, но тут, откуда ни возьмись, приход катит, наркоман тащиться начинает и думать о том, что кайфовая вещь, случайность, ежели ей умело пользоваться.

А вот Седайко Стюмчику как-то не повезло. Сколько он не ходил, не привалила случайность. Ни терок он не нашел, ни эфедрина не купил, ни по вене ничего не пустил.

Сел он в каком-то дворе на лавочку и загрустил. Вдруг слышит:

– Ты чего тут делаешь? – Грозно так.

Поднял Седайко Стюмчик взгляд и видит, стоит перед ним кодла из нескольких слегка пьяных парней.

– Грустно мне. – Отвечает Седайко Стюмчик.

– Грустно? – Удивились парни. – Так айда с нами! Мы тут день рождения справляем. Выпивки, закусона – завались! Дерябнешь водочки – всю грусть как рукой сымет!

«Что ж, – Подумалось Седайко Стюмчику, – Раз не вмазался, хоть задринчу на халяву.»

И пошел. Привели его на квартиру, а там – дым коромыслом. Девки пьяные целоваться лезут, парни обнимаются, рюмки с водкой в руки суют. Кто-то песни поет, кто-то на подоконнике ебется.

Выпил Седайко Стюмчик, закусил деликатесом, вроде получше ему. Огляделся. Видит – все урла урлой, попиздить можно, но только о том кто кого выебал, да сколько при этом водочки схавал.

Забрел Седайко Стюмчик на кухню. И там пьянствуют. Не хотелось ему больше водки, думал портвешку бы какого найти. А где портвешок хранится? В холодильнике. Вот Седайко Стюмчик туда и заглянул. Видит, нет портвешка, а на стенке холодильника, там, где обычно яйца лежат, несколько до боли знакомых этикеток. И все на пузырьках. А пузырьки полные!

Взял их Седайко Стюмчик, потом нашел в одной из комнат уголок понеприметнее и разложил свой стрем-пакет. Стал мульку бодяжить.

А алконавты, даром, что поголовно пьяные, это дело просекли, и любопытствовать начали:

– Что за процесс?

– Да вот, – Поясняет Седайко Стюмчек, – Из этого лекарства можно классную штуку изготовить.

– А попробовать дашь?

– А вы уколов не боитесь? Ее надо только в вену колоть.

А урелам уже все до пизды:

– Ни хуя мы не боимся. Ты, главное, не отрави тут никого.

– Не бойсь, – Успокаивает их Седайко Стюмчик, – От водяры легче отравиться, чем от мульки. В ней главное – баян с метлой.

Тут алконавты зашевелились, а Седайко Стюмчик бодяжить продолжил. Только мулька сготовилась, приносят ему аккордеон и большую такую дворницкую метлу.

– Сгодится? – Спрашивают.

А Седайко Стюмчик никак въехать не может:

– Зачем это?

– Как? – Обиделись урелы, – Сам же попросил баян и метлу.

– Э, нет! – Рассмеялся тогда Седайко Стюмчик, – У нас баян с метлой это кой чего другое. Это шприц, в который вата уложена, чтобы мульку фильтровать.

Вот такой. Смотрите.

И продемонстрировал им Седайко Стюмчик настоящий, наркоманский баян с метлой.

– Чтобы хороший приход получать,

Не забудь метлу в баяне утрамбовать! – Прочел Седайко Стюмчик свой стих.

Урелы примолкли, а Седайко Стюмчик залил в баян с метлой мульку с бодягой и бегунок вставил. Надавил – и полилась чистая прозрачная мулечка. И прямо в рюмку, из которой Седайко Стюмчик водку пил.

Выбрал себе Седайко Стюмчик пяток кубов, а урелы за ним все наблюдают. Как Седайко Стюмчик рукав закатывает, как ремнем руку перетягивает, как веняк прощупывает, как ширяльный баян держит, как струной кожу протыкает, как веняк под шкурняком ищет, как контроль отбирает, как перетягу снимает, как мульку в вену ширяет, как иглу из руки вынимает, как дырку перекрывает, как приходится и бычок с прихода смолит.

Странно урелам это зрелище, но видят они, человек раньше грустный был, а теперь прямо расцвел весь. Блеск какой-то в глазах появился, разговорчивость началась.

А Седайко Стюмчик только того и ждал. Как подцепил он болтушку, да стал языком трепать, описывая все этапы мульковарения и мулькоширяния, так пьяные урелы уши и развесили. Тут один парень, видать самый смелый, подошел к Седайко Стюмчику и говорит:

– Давай-ка мне, этой, твоей мульки хуйни!

И руку протягивает.

Нельзя сказать, что Седайко Стюмчика в тот момент жаба душить стала, нет, наоборот, уж кому, как не Седайко Стюмчику знать, что заранее неизвестно, как мулька на пионеров подействует, тут результаты непредсказуемые бывают, вот и набрал он парню два с половиной куба.

Пока водкой веник протирал, пока ширял, парень морду от кольщика воротил. А как мулька в кровь пошла, затащился парень:

– Уй, бля, клево то как!.. – Говорит. – Это покруче, чем водка!

– И мне!

– И мне! – Стали все просить Седайко Стюмчика. А ему-то чего? Один пузырь он для себя заныкал, а остальные... Кайфа-то не жалко. Пусть приобщаются.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.